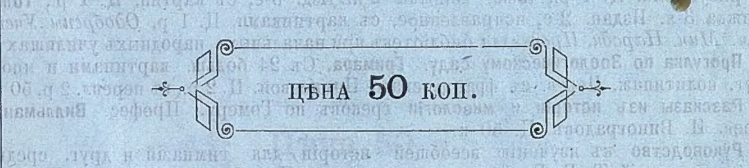
В. СОРОКИНЪ.

НАШЪ ЯЗЫКЪ.

УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ.

I. Нашъ языкъ. II. Жизнь словъ. III. О развитіи дара слова у дѣтей.

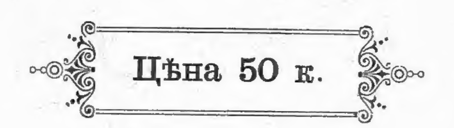
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книжнаго магазина П. В. Луковникова.
Лештуковъ переулокъ, д. № 2.
1889.

В. СОРОКИНЪ.

НАШЪ ЯЗЫКЪ

УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ.

I. Нашъ языкъ. II. Жизнь словъ.
III. О развитіи дара слова у дѣтей.

Цѣна 50 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книжнаго магазина П. В. Луковникова.
Лештуковъ переулокъ, д. № 2.
1889.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 Января 1889 г.

Типографія Товарищества Общественная Польза, Большая Подъяч., 39.

Нашъ языкъ.

Не правда ли, какъ это на свѣтѣ хорошо устроено: какая бы мысль ни явилась въ нашей головѣ, что̀ бы мы ни почувствовали, чего бы ни захотѣли,—стоитъ намъ только раскрыть ротъ, сдѣлать извѣстное движеніе губами, языкомъ, горломъ,—и изъ нашихъ устъ вылетаетъ одинъ или нѣсколько то соединенныхъ вмѣстѣ, то раздѣльныхъ звуковъ, вполнѣ ясно и точно сообщающихъ другимъ людямъ всякую нашу мысль, чувство, или желаніе?! Всѣ мы безпрестанно произносимъ множество самыхъ разнообразныхъ словъ и дѣлаемъ это почти такъ-же легко и быстро, какъ дышемъ, и обыкновенно не обращаемъ вниманія на этотъ чудный даръ,—даръ слова. Между тѣмъ, каждый, кто только хоть на минуту призадумается надъ этимъ явленіемъ, невольно заинтересуется имъ, и въ его головѣ поднимется цѣлый рядъ вопросовъ, одинъ другого интереснѣе, вродѣ, напримѣръ, слѣдующихъ: всегда ли люди говорили такъ, какъ говорятъ теперь, или языкъ человѣческій появился и потомъ развивался постепенно, мало по̀-малу? Какимъ образомъ появилась и улучшилась человѣческая рѣчь? Существовало ли съ самаго начала то разнообразіе языковъ и нарѣчій, какое мы видимъ теперь, или первые люди говорили на какомъ-нибудь одномъ языкѣ, а другіе появились впослѣдствіи? Если сначала былъ одинъ языкъ, то по какимъ именно причинамъ онъ распался потомъ на такое множество языковъ, болѣе или менѣе отличныхъ одинъ отъ другого? И, наконецъ,—какъ это дѣлается, что человѣкъ, сначала, въ первые дни по своемъ рожденіи, только совершенно безсмысленно кричитъ и столь же безсмысленно поводитъ кругомъ глазами и барахтается руками

и ногами, а потомъ, мало по-малу, начинаетъ издавать своимъ голосомъ опредѣленные звуки, соединяя, раздѣляя и переставляя ихъ такимъ образомъ, что изъ нихъ выходятъ слова, фразы, а со временемъ—и цѣлыя рѣчи, изъ которыхъ слушающіе ясно и точно узнаютъ, что именно онъ думаетъ, чувствуетъ и чего желаетъ? Посмотримъ же, какъ все это объясняютъ люди ученые, старательно изучавшіе исторію и жизнь первобытныхъ людей.

Изъ весьма разнообразныхъ мнѣній этихъ ученыхъ слѣдуетъ признать наиболѣе вѣроятнымъ, что люди въ первое время своего появленія на землѣ, такъ же какъ и новорожденныя дѣти, вовсе не умѣли говорить и выражали свои первыя мысли и чувства *движеніями*.

Этотъ первоначальный способъ разговора сохранился и до сихъ поръ между нѣмыми и у дикихъ народовъ. Послѣдніе, имѣя въ своемъ распоряженіи весьма небольшой запасъ словъ, постоянно дополняютъ свою рѣчь различными жестами, да и каждый изъ насъ безпрестанно употребляетъ самъ и видитъ у другихъ разнообразныя тѣлодвиженія, какъ напр. потрясеніе кулакомъ или указательнымъ пальцемъ, киваніе головой, маханіе одной или обѣими руками, приложеніе руки къ сердцу и т. д., и всѣ мы очень хорошо понимаемъ что̀ означаетъ каждый изъ такихъ жестовъ. Теперь у насъ существуютъ даже цѣлыя театральныя представленія, въ которыхъ дѣйствующія лица всѣ свои разговоры замѣняютъ соотвѣтствующими движеніями рукъ, ногъ и безпрестанно мѣняющимся, смотря по надобности, выраженіемъ глазъ и всего лица. Это умѣнье ясно и выразительно разговаривать посредствомъ тѣлодвиженій составляетъ особое искусство, называемое *мимикой* и происшедшее именно отъ первоначальнаго способа нашихъ прародителей объясняться посредствомъ жестовъ.

Предположеніе, что люди сначала выражались только жестами и что обыкновенный, *звуковой*, языкъ появился гораздо позже *мимическаго*, тѣмъ болѣе вѣроятно, что оно совершенно естественно: прежде всего, языкъ намъ нуженъ для того, чтобы высказать наше желаніе что-либо получить, для удовлетворенія той или другой изъ нашихъ потребностей, а что можетъ

быть легче простого указанія на требуемый предметъ, безъ всякихъ разговоровъ? Вѣдь часто мы это дѣлаемъ и теперь: вмѣсто того, чтобы *назвать* тотъ предметъ, который желаемъ, чтобы намъ подали, молча *указываемъ* на него. Далѣе: человѣкъ, какъ только появляется въ міръ, тотчасъ же бываетъ окруженъ множествомъ самыхъ разнообразныхъ предметовъ; мало по-малу, по мѣрѣ развитія въ немъ сознанія, одними онъ желаетъ воспользоваться, отъ другихъ—избавиться, третьи—передать другимъ людямъ, къ четвертымъ чувствуетъ страхъ, къ пятымъ—нѣжную любовь и т. д., и вотъ, не называя этихъ предметовъ словами, онъ просто на нихъ указываетъ, сопровождая эти указанія тѣмъ или другимъ выраженіемъ своего лица, смотря по тому, какое чувство возбуждаетъ въ немъ тотъ или другой предметъ. Поэтому, всѣ подобные жесты можно назвать *указательными*.

Но скоро однихъ только указательныхъ жестовъ оказалось мало. Какимъ же образомъ указать на предметы отсутствующіе, или на какое-нибудь дѣйствіе или качество? (бѣгать, ѣсть, большой, маленькій). Для этого явились другого рода жесты: человѣкъ, подмѣтивъ какой-нибудь признакъ предмета, качества, или дѣйствія, наиболѣе этотъ предметъ, качество, или дѣйствіе напоминающій, старался соотвѣтственнымъ такому признаку жестомъ напомнить и о самомъ предметѣ; напр., если хотѣлъ сообщить что-нибудь о человѣкѣ отсутствующемъ, на котораго просто указать нельзя, то старался изобразить какую-нибудь такую его особенность, которою онъ рѣзко отличался отъ другихъ, по которой тотчасъ всякій узнавалъ его: какое-либо отличіе на его тѣлѣ, или ему одному свойственныя движенія и пр. Точно также двумя согнутыми въ видѣ шара кистями рукъ, подносимыми ко рту и движеніями въ это время рта, на подобіе жеванья, напоминалъ о какомъ-нибудь кругломъ *плодѣ* и употребленіи его въ пищу; обѣими руками, опущенными внизъ и быстро двигавшимися съ одной стороны въ другую, изображалось теченіе *рѣки;* ладонью, опущенною близко къ землѣ, означалось качество *маленькій*, *низкій*; двумя ладонями, поставленными въ близкомъ разстояніи одна отъ другой,—*короткій*, а руками, широко разведенными въ разныя стороны,—

длинный, также — *широкій*... и т. д. Всѣ подобные жесты, какъ напоминающіе объ извѣстномъ предметѣ, качествѣ или дѣйствіи, въ отличіе отъ указательныхъ, назовемъ жестами *напоминательными*.

Наконецъ, въ мірѣ существуетъ еще множество такихъ явленій и понятій, которыя сами по себѣ никакихъ видимыхъ признаковъ не имѣютъ, напр., гнѣвъ, испугъ, радость, горе и т. п. понятія отвлеченныя, которыя, поэтому, не могутъ быть выражены посредствомъ простого подражанія какой-либо ихъ собственной отличительной особенности. Пришлось придумывать какое-нибудь новое средство,—и умъ человѣческій скоро нашелъ его. Подобныя понятія производятъ на человѣка то или другое впечатлѣніе, или отражаются въ его лицѣ, или заставляютъ его невольно дѣлать извѣстныя тѣлодвиженія. Такъ, чувства неудовольствія, гнѣва выражаются нахмуренными бровями, стиснутымъ ртомъ, сжатыми кулаками; отъ сильнаго испуга человѣкъ дико озирается кругомъ, дрожитъ, руки и ноги его трясутся; въ радости онъ смѣется, прыгаетъ, хлопаетъ руками; отъ стыда опускаетъ глаза, или закрываетъ лицо руками, какъ бы невольно избѣгая взоровъ людскихъ; отъ сильной боли стягиваются его лицевые мускулы, ротъ искривляется и все тѣло корчится, и т. д. Такое проявленіе различныхъ душевныхъ чувствъ и ощущеній тѣлесныхъ всѣми людьми одинаково дало возможность изображать и понятія, т.-е. мысли о нихъ, соотвѣтствующими каждому изъ нихъ движеніями. Жесты этого рода удобнѣе всего назвать *отражательными*, такъ какъ они отражаютъ внутреннія наши ощущенія. Но кромѣ отвлеченныхъ понятій о чувствахъ, ощущаемыхъ внутри насъ самихъ, существуетъ еще цѣлый и весьма обширный разрядъ понятій о всевозможныхъ явленіяхъ, происходящихъ не въ насъ, а въ окружающей насъ природѣ, которыя ни сами никакой опредѣленной формы не имѣютъ, ни на тѣлѣ нашемъ не отражаются никакимъ соотвѣтствующимъ движеніемъ. Для выраженія ихъ, первобытные люди употребляли жесты, производившіе впечатлѣніе, сходное съ тѣмъ, которое получалось отъ явленій, составлявшихъ предметъ рѣчи, или изображали видимый и всякому знакомый предметъ, отличающійся тѣмъ же признакомъ, которымъ бро-

сается въ глаза и то отвлеченное явленіе. Пояснимъ это примѣромъ: ночь изображалась посредствомъ закрытія глазъ, для указанія темнаго времени, въ которое ничего *не видно;* понятіе о смерти выражали тѣмъ положеніемъ тѣла, которое обыкновенно замѣчалось у мертвыхъ; о тяжести и твердости—большимъ камнемъ; время означалось опусканіемъ пальцевъ полусогнутой кисти сверху внизъ, какъ бы изображавшимъ нѣчто падающее сверху внизъ; злость и хитрость—змѣею и т. д. Всѣ подобныя тѣлодвиженія и видимые предметы, посредствомъ которыхъ выражаются различныя отвлеченныя понятія, называются *символами* или *символическими* тѣлодвиженіями и предметами.

Въ первое время жизни человѣческаго рода такихъ отвлеченныхъ понятій было мало: человѣкъ, за немногими исключеніями, ограничивался лишь своими тѣлесными ощущеніями и потребностями, которыя и удовлетворялъ окружающими его предметами. Но впослѣдствіи понятія людей стали расширяться все болѣе и болѣе за предѣлы міра физическаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мимическій языкъ его сталъ обогащаться все новыми и новыми символами. Большая часть этихъ символовъ давно уже исчезла, но мы можемъ судить о нихъ по различнымъ символическимъ жестамъ современныхъ намъ дикарей, тѣмъ болѣе, что, по наблюденіямъ ученыхъ, совершенно различныя дикія племена, говорящія разными непонятными другъ для друга языками, выражаютъ одни и тѣ же отвлеченныя понятія одинаковыми жестами и предметами. Такъ напр., индѣйцы Сѣверной Америки изображаютъ родство, складывая два указательные пальца двухъ рукъ вмѣстѣ и вкладывая ихъ въ ротъ, какъ бы указывая на общее происхожденіе; подобный же знакъ служитъ выраженіемъ сходства; быстрота выражается у нихъ стрѣлой, пущенной изъ лука; побѣда—копьемъ, воткнутымъ въ землю, покорность и глубокое уваженіе они изъявляютъ приложеніемъ къ груди одной или обѣихъ рукъ и опущеніемъ головы къ землѣ и т. д. Всѣ подобныя движенія и символическія изображенія такъ естественны, такъ близко подходятъ къ характеру выражаемыхъ ими понятій, что они понятны не только одноплеменникамъ, но и членамъ другихъ племенъ и даже европейцамъ, и наоборотъ: дикіе понимаютъ ми-

мическія движенія и символическій способъ выраженія европейцевъ. Путешественники, посѣщавшіе дикарей, разсказываютъ, что послѣдніе очень неохотно разговаривали съ ними чрезъ переводчиковъ, и какъ только европейцы начинали объясняться съ ними жестами и посредствомъ символовъ, тотчасъ же оживлялись и всячески старались понять ихъ и быть ими понятыми. Мы говорили уже, что и въ настоящее время у всѣхъ современныхъ народовъ сохранилось множество жестовъ всѣхъ родовъ, которыми они дополняютъ, а иногда и замѣняютъ языкъ словесный. Многіе изъ употребляемыхъ нынѣ символическихъ жестовъ утратили свой первоначальный смыслъ и могутъ казаться непонятными, а между тѣмъ, они произошли отъ какой-нибудь естественной причины. Такъ напр., общепринятый между мужчинами всѣхъ образованныхъ народовъ обычай снимать шляпу при встрѣчѣ знакомыхъ, или при входѣ въ домъ,—обычай, между женщинами неупотребительный,—объясняютъ тѣмъ, что въ древности, когда всякій мужчина былъ воиномъ и ходилъ вооруженнымъ, съ военнымъ уборомъ на головѣ, при посѣщеніи кого-либо съ мирными намѣреніями, или при встрѣчѣ съ друзьями, въ знакъ мира и дружбы, снималъ съ головы этотъ уборъ, какъ бы показывая, что онъ обезоруживается, тогда какъ женщины, ведшія и безъ того мирный образъ жизни, въ такихъ внѣшнихъ знакахъ своего миролюбія надобности не имѣли. Свойственная многимъ привычка прикладывать руку къ сердцу при желаніи выразить силу своей любви, радости, душевнаго страданія, или при увѣреніи въ правдивости того, о чемъ говорится, происходитъ отъ давнишней увѣренности людей, что всѣ наши душевныя чувства помѣщаются въ сердцѣ, такъ что указаніемъ на него желаютъ дать понять, что то или другое чувство не ложно, не придумано, а происходитъ прямо отъ сердца.

Всѣ эти мимическіе жесты, указательные, напоминательные, отражательные и символическіе, на столько ясны и удобопонятны, что и теперь у глухонѣмыхъ вполнѣ замѣняютъ разговорный языкъ. Что наиболѣе поражаетъ глухонѣмого въ предметѣ, то и служитъ для него главнымъ отличительнымъ признакомъ предмета. Рядъ такихъ знаковъ, обозначаемыхъ

извѣстными тѣлодвиженіями въ воздухѣ, и составляетъ мимическій языкъ глухонѣмыхъ, и число этихъ знаковъ, въ сравненіи съ количествомъ словъ въ нашемъ языкѣ, весьма ограничено. Такъ, въ берлинскомъ институтѣ глухонѣмыхъ употребляется всего 500 знаковъ, съ помощію которыхъ воспитанники этого заведенія выражаютъ всѣ свои мысли, чувства и желанія. Если берлинскій глухонѣмой хочетъ сказать *мужчина*,—онъ дѣлаетъ видъ, что снимаетъ шляпу; *дождь* они означаютъ, опуская концы пальцевъ полусогнутой кисти сверху внизъ, какъ бы изображая нѣчто падающее; ѣзда верхомъ изображается верховой посадкой двухъ пальцевъ правой руки на указательный палецъ лѣвой и т. д.

Однакожъ, прародители наши удовлетворяться однимъ мимическимъ языкомъ не могли: съ одной стороны, съ расширеніемъ потребностей и понятій, приходилось придумывать все болѣе и болѣе различныхъ знаковъ, которые, поэтому, дѣлались болѣе искусственными, а слѣдственно, и уже менѣе ясными; съ другой же стороны, человѣкъ, постоянно слыша въ окружающей его природѣ самые разнообразные звуки и обладая самъ способностію совершенно свободно издавать ясные, громкіе, членораздѣльные и составные звуки, скоро воспользовался этимъ богатымъ даромъ. Прежде и естественнѣе всего было, вмѣсто изображенія знаками какого-нибудь собственнаго ощущенія, напр., боли, радости, удовольствія, испуга и т. п., выражать эти чувства соотвѣтствующими звуками, вылетавшими изъ устъ невольно, просто отражавшими то или другое ощущеніе (*звуки отражательные* или *рефлективные*). Къ такого рода звукамъ принадлежатъ наши междометія, какъ напр.: а! ай! ахъ! охъ! ха, ха! о! ой! и т. п. Скоро человѣкъ увидѣлъ возможность выражать и свои понятія объ окружающихъ предметахъ, подражая тѣмъ звукамъ, которые эти предметы издавали и по которымъ они легко могли быть узнаваемы, какъ напр., лаю собаки, мяуканью кошки, карканью вороны, журчанью ручья, свисту вѣтра, звуку отъ паденія твердаго тѣла, звону металла и т. д.: гамъ, гамъ! мяу, мяу! карръ, карръ! жжръ, бухъ! и т. д. Явились новыя слова — *звукоподражательныя*, и, вмѣстѣ со словами перваго рода, послужили

основными звуками, *корнями*, отъ которыхъ съ теченіемъ времени люди стали производить новыя формы словъ, *производныя* (гам-кну-ть, мяу-ка-ть, жур-ча-ть, бухнуть, звонить и т. д.).

Когда, такимъ образомъ, человѣкъ увѣрился въ своихъ силахъ и увидѣлъ, что онъ, съ помощію своего горла, губъ, языка и прочихъ частей рта, легко можетъ производить самые разнообразные звуки и свободно управлять ими по своему усмотрѣнію, онъ, конечно, тотчасъ же сталъ замѣнять мимическій языкъ звуковымъ, но не вдругъ, а постепенно, постоянно дополняя его жестами, какъ это мы видимъ и теперь: люди, еще мало развитые и образованные, напр., дикари, наши простолюдины, дѣти, вообще весьма сильно жестикулируютъ, что именно и объясняется стремленіемъ дополнить и освѣтить свою еще скудную и невыработанную рѣчь болѣе или менѣе выразительными тѣлодвиженіями.

Однихъ рефлективныхъ и звукоподражательныхъ корней оказалось недостаточно: съ каждымъ днемъ, почти съ каждымъ часомъ нарождались новыя понятія, такъ какъ человѣкъ безпрестанно натыкался на новые предметы, встрѣчалъ новыя явленія и развивалъ въ себѣ новыя мысли и чувства. Пришлось придумывать новыя слова для означенія всего этого,—и наростаніе и дальнѣйшее развитіе языка пошло чрезвычайно быстро. Не слѣдуетъ, однако же, думать, чтобы новыя слова появились совершенно произвольно, безъ всякаго разумнаго основанія, такъ какъ въ подобномъ случаѣ, будучи только минутнымъ капризомъ одной какой-нибудь личности, они не повторялись бы другими и не закрѣплялись бы въ языкѣ навсегда. Напротивъ, только такое слово и входило въ составъ языка, которое оказывалось наиболѣе соотвѣтствующимъ тому понятію, которое оно выражало.

Въ каждомъ новомъ явленіи люди, точно такъ же, какъ и во время языка мимическаго, обращали вниманіе на какой-нибудь особенный изъ его признаковъ, которымъ оно рѣзко отличалось отъ другихъ, и производили его названіе отъ того корня, которымъ именно этотъ характеризующій признакъ и выражался.

Въ настоящее время объяснить первоначальное значеніе всѣхъ такихъ корней мы не можемъ, такъ какъ съ появленія ихъ прошло слишкомъ много времени; языки, на которыхъ говорили первобытные люди, давно уже исчезли и прежніе корни хотя и вошли въ языки новѣйшіе, но уже въ столь сильно измѣненномъ видѣ, что первоначальный ихъ смыслъ совершенно утратился. Ученые утверждаютъ только, что всѣхъ основныхъ корней, послужившихъ основаніемъ человѣческой рѣчи, было немного, а именно—до 500, появившихся изъ устъ человѣка совершенно инстинктивно и выражавшихъ названія предметовъ, производившихъ непосредственное впечатлѣніе на первобытнаго человѣка и болѣе доступныхъ его младенческому пониманію, чѣмъ представленія отвлеченныя (качество, дѣйствіе и т. п.); нѣкоторые же (Ад. Смитъ) полагаютъ, что названія глаголовъ должны были появиться ранѣе именъ существительныхъ, на томъ основаніи, что предметы (вещи) легко можно было указывать просто пальцемъ, или подражать имъ, тогда какъ относительно дѣйствій, въ большинствѣ случаевъ, это невозможно. Какъ бы то ни было, люди, имѣя въ своемъ распоряженіи 400—500 основныхъ типовъ, выражавшихъ ихъ существенныя обиходныя потребности, развивались все болѣе и болѣе; ихъ умственный кругозоръ расширялся и число наблюдаемыхъ предметовъ постоянно увеличивалось. По сходству впечатлѣнія, получившагося отъ той или другой стороны наблюдаемаго предмета съ первоначальнымъ понятіемъ, выражавшимся извѣстнымъ кореннымъ звукомъ, стали выражать и свои новыя впечатлѣнія первоначальнымъ корнемъ, но съ нѣкоторыми измѣненіями его. Измѣненія эти состоятъ въ различныхъ окончаніяхъ корня, приставкахъ къ нему и даже въ перестановкахъ коренныхъ звуковъ. Такимъ образомъ, кромѣ основныхъ частей рѣчи — существительныхъ и глаголовъ, мало по-малу образовались и названія такихъ отвлеченныхъ понятій, какъ качествъ предмета, мѣры (величины, объема и вѣса), времени, различныхъ отношеній между предметами и т. д. Служебныхъ частей рѣчи, опредѣляющихъ тѣ или другія отношенія между словами, въ первоначальномъ языкѣ не было вовсе и люди объяснялись безъ помощи ихъ, приблизительно, въ такомъ родѣ:

я ты хотъть гръть огонь (я хочу съ тобой грѣться у огня). Да и вообще, въ первыя времена образованія человѣческихъ обществъ не могло существовать различія частей рѣчи; самые признаки и качества предметовъ совершенно отождествлялись съ понятіемъ о предметѣ; такъ, напр., добрый—и доброта, свѣтлый—и свѣтъ и т. д.

Древнѣйшимъ языкомъ, праотцемъ всѣхъ позднѣйшихъ, считается теперь уже не существующій языкъ *санскритскій* (т.-е. священный), на которомъ были написаны священныя книги древнѣйшей *браминской* религіи обитателей азіатской Индіи, и люди, занимающіеся изслѣдованіемъ образованія различныхъ языковъ, постоянно находятъ въ нихъ все болѣе и болѣе корней санскритскихъ.

Если и справедливо предположеніе, что сначала всѣ люди говорили только на одномъ общемъ языкѣ санскритскомъ, то во всякомъ случаѣ это могло продолжаться только до тѣхъ поръ, пока они оставались на одномъ мѣстѣ и всѣ были тѣсно сплочены между собой. Съ увеличеніемъ народонаселенія, недостатокъ мѣста и пищи скоро заставилъ людей выселяться отдѣльными семьями и группами семей въ другія мѣстности, представлявшія болѣе простора и изобилія въ средствахъ питанія себя и своего домашняго скота.

Съ поселеніемъ среди новой природы, люди тотчасъ же наталкивались на множество новыхъ предметовъ; подъ вліяніемъ новыхъ условій почвы и климата, появились и новыя потребности, и новые способы ихъ удовлетворенія, цѣлый рядъ новыхъ дѣйствій и занятій—и все это потребовало себѣ новыхъ названій, т. е. словъ, или примѣненія прежнихъ названій къ новымъ понятіямъ, сообразно новымъ условіямъ жизни, или, наконецъ, прежнія слова совершенно исчезли изъ употребленія, вслѣдствіе исчезновенія старыхъ понятій на новомъ мѣстѣ. Переселенцы приносили съ собой старые корни языка ихъ родины, но мало по-малу измѣняли ихъ, прибавляли къ нимъ новыя окончанія въ концѣ слова, приставки въ началѣ, переставляли тѣ или другіе звуки въ серединѣ, или замѣняли ихъ новыми, или выбрасывали ихъ вовсе.

Для выраженія понятія о какомъ-нибудь сложномъ пред-

метѣ или явленіи, которые бросались въ глаза не однимъ какимъ-либо господствующимъ признакомъ, а нѣсколькими, стали прибѣгать къ соединенію нѣсколькихъ корней въ одно слово (какъ наши слова: темно-сѣрый, жаръ-птица и т. д.). Такимъ образомъ явились слова съ нѣсколькими корнями, или съ корнями *сложными*, въ отличіе отъ корней одинокихъ, или *простыхъ*. И чѣмъ болѣе раздвигался родъ человѣческій по лицу земли, тѣмъ болѣе слабѣла связь между отдѣльными группами людей, тѣмъ сильнѣе становилось различіе въ ихъ образѣ жизни, нравахъ, обычаяхъ, въ самомъ сложеніи ихъ тѣла, цвѣта кожи и, между прочимъ, въ ихъ языкѣ, который такимъ образомъ распался на множество вѣтвей, и каждая изъ нихъ тѣмъ менѣе сохраняла сходства со своимъ первоначальнымъ языкомъ, чѣмъ далѣе она отъ него разбѣгалась.

Я боюсь утомить васъ выписками разныхъ примѣровъ того искаженія, которому подвергались основные корни языка при перерожденіи ихъ въ слова другихъ позднѣйшихъ нарѣчій, но приведу нѣсколько случаевъ для поясненія подобныхъ измѣненій: такъ, слово *ожерелье* произошло отъ кореннаго слова *горло* (огорлейле = ожерелье), *изба*—отъ *топить* (истоп—ить, истопка, ист(п) ба=из (ст)ба), *жертва*, *жерло*—отъ *горѣть*, *знакъ*—отъ греч. gnomen (знать), *море*—лат. moriri—(умереть); а вотъ наши нарѣчія, изъ которыхъ каждое состоитъ изъ двухъ или трехъ корней: *вездѣ*—(весь, вся, все и *дѣ*—слав. нар. мѣста), *нигдѣ*—(ни-г—изъ мѣстоим. *кой*, *который*, и—*дѣ*), *всюду* (весь и *дѣ* съ оконч. винит. пад) и т. д.

Въ первое время образованія языка, часто однимъ и тѣмъ же словомъ называлось нѣсколько различныхъ предметовъ, напр., *мужъ* (мужчина и супругъ), *жена* (женщина и супруга), что происходило вслѣдствіе одинаковости впечатлѣній, производимыхъ на людей этими предметами. Древніе греки называли чужестранца *варваромъ*, и такъ какъ всякаго чужого имъ человѣка они не любили и считали его за врага, то и непріятель, врагъ, назывался у нихъ также варваромъ; то же самое было и у римлянъ (*hostis*—иностранецъ и врагъ). Всѣ подобныя слова, употребляемыя въ различныхъ значеніяхъ, называются *омонимами*. Изобиліе омонимовъ доказываетъ бѣд-

ность языка, малый запасъ въ немъ словъ, при которомъ одни и тѣ же слова приходится употреблять то въ одномъ, то въ другомъ значеніи, смотря по надобности.

Наоборотъ, чѣмъ болѣе развивается языкъ, тѣмъ онъ становится богаче, тѣмъ точнѣе отмѣчается тотъ или другой оттѣнокъ одного и того же понятія новымъ, отдѣльнымъ словомъ, или для означенія одного и того же понятія является нѣсколько различныхъ названій. Это происходитъ или отъ того, что какая-нибудь группа людей, съ переходомъ въ другую мѣстность, или приходя въ столкновеніе съ другими людьми, усвоиваетъ себѣ новыя слова и въ то же время удерживаетъ однозначащія старыя, или же потому, что однимъ словомъ изображается какой-либо предметъ или понятіе по одному изъ его отличительныхъ признаковъ, а другимъ—по другому. Такія различныя слова съ одинаковымъ значеніемъ называются *синонимами*. Примѣрами синонимовъ перваго рода могутъ служить слова: *отецъ*, *батюшка* и *родитель*; *дитя* и *ребенокъ*; а второго рода: *комната*, *свѣтлица* и *горница; сласти*, *лакомства* и *гостинцы*; *путь* и *дорога*; *дѣва*, *дѣвушка* и *дѣвица* и т. п. Чѣмъ богаче языкъ, тѣмъ болѣе въ немъ синонимовъ.

Съ самаго начала люди въ окружающей природѣ видѣли много явленій, которыхъ, при слабомъ своемъ умственномъ развитіи и совершенномъ еще отсутствіи какихъ-либо научныхъ познаній, они правильно истолковать себѣ не могли, истинныя причины, порождавшія эти явленія, имъ были неизвѣстны. Между тѣмъ, воображеніе ихъ было такъ же живо, какъ и у дѣтей, и вотъ, съ помощью этой способности, они стали примѣнять всѣ подобныя явленія къ явленіямъ собственной жизни. Предметы неодушевленные первобытный человѣкъ представлялъ себѣ въ видѣ живыхъ существъ, вродѣ того, какъ ребенокъ палку представляетъ живымъ конькомъ, куклу—настоящимъ ребенкомъ и т. д., и надѣлялъ ихъ разнообразными свойствами человѣческими. Такимъ образомъ, солнце у него встаетъ, ложится спать, вода сердится и бушуетъ; вѣтеръ то покровительствуетъ ему, то мститъ и проч. Словомъ, множество подобныхъ явленій представляются въ его вообра-

женіи одаренными, то добродѣтелями, то пороками человѣческими. Такое *очеловѣченіе* неодушевленной природы отразилось и въ языкѣ нашихъ прародителей, и множество относящихся къ этому выраженій сохранилось и въ языкахъ новѣйшихъ; но уже не въ первоначальномъ, *буквальномъ*, смыслѣ, который онѣ утратили тотчасъ же, какъ только прежнія ложныя понятія замѣнились истинными, а въ *переносномъ* или *фигуральномъ*. Выраженія эти теперь называются *фигуральными*, или *метафорическими*, въ которыхъ какому-нибудь одному предмету придано названіе, или свойство, принадлежащее собственно не ему, а другому предмету, но съ которымъ первый имѣетъ какое-либо сходство, какимъ-нибудь изъ своихъ признаковъ его напоминаетъ. Эти фигуральныя выраженія служатъ теперь для болѣе живого, нагляднаго представленія предмета, о которомъ говорится; онѣ намъ рисуютъ его, представляя ту именно его сторону, которою онъ наиболѣе отличается и на которую слѣдуетъ обратить особенное вниманіе; напр., твердый характеръ называютъ *желѣзнымъ*, о счастьѣ говорятъ, что оно *улыбается* человѣку, или что оно *отвернулось* отъ него; о времени выражаются, что оно *проходитъ*, *течетъ*, *летитъ*, *мчится* и т. д. Талантливые писатели, одаренные особенно живымъ воображеніемъ (поэты), пользуясь такими фигуральными выраженіями, рисуютъ словами цѣлыя картины, въ которыхъ не только предметы и явленія видимыя, но даже и самыя отвлеченныя понятія, не имѣющія никакой формы, доступной нашимъ внѣшнимъ чувствамъ, изображаютъ такъ живо, что мы представляемъ ихъ себѣ какъ бы стоящими передъ нашими глазами, и поэтому, т.-е. по живости (образности) изображаемыхъ въ немъ понятій, языкъ такихъ писателей называется *поэтическимъ*, въ отличіе отъ языка *прозаическаго*, въ которомъ каждое понятіе лишь просто называется собственно ему принадлежащимъ именемъ. Но возвратимся, однако, къ языку нашихъ предковъ.

Изъ всего разсказаннаго до сихъ поръ, вы видѣли, какъ мало по-малу люди придумали множество самыхъ разнообразныхъ словъ и выраженій для передачи звуками голоса другъ другу всѣхъ своихъ мыслей и чувствъ. Явились названія *пред-*

метовъ (имена существительныя), *признаковъ* (имена прилагательныя), *дѣйствій* (глаголы) и другія *части рѣчи*... Какія же изъ этихъ частей рѣчи явились прежде и какія послѣ? Отвѣтить на этотъ вопросъ весьма трудно, и ученые высказываютъ по этому поводу различныя догадки. Одни, напр., полагаютъ, какъ мы уже говорили выше, что первобытнымъ людямъ естественнѣе всего было придумать названія предметовъ, которые постоянно ихъ окружали и видимые признаки которыхъ постоянно бросались имъ въ глаза, тогда какъ додуматься до названій понятій отвлеченныхъ (дѣйствій) было гораздо труднѣе. Другіе, напротивъ, утверждаютъ, что на предметы люди могли просто указывать, вовсе не называя ихъ, между тѣмъ какъ на дѣйствія или состоянія указать нельзя, и потому глаголы должны были появиться прежде существительныхъ. Во всякомъ случаѣ, такъ называемыя *знаменательныя* (т.-е. выражающія сами по себѣ опредѣленное понятіе) части рѣчи должны были появиться если не одновременно, то вскорѣ одна за другою; но части рѣчи *служебныя*, т. е. тѣ, которыя сами по себѣ опредѣленнаго значенія не имѣютъ (какъ напр., предлоги, союзы), а служатъ только для указанія той или другой связи между словами знаменательными, появились уже во времена позднѣйшія, когда между людьми уже значительно распространилось образованіе. До того времени употреблялись только однѣ знаменательныя части рѣчи, и притомъ, безъ всякаго измѣненія окончаній, приблизительно въ такомъ родѣ: *я бить ты палка* (я бью тебя палкой) и развѣ порядокъ въ расположеніи словъ могъ придавать фразѣ иной смыслъ, напр. *ты бить я палка* (ты бьешь меня палкой); но и этотъ порядокъ въ словорасположеніи, конечно, также долго не подчинялся еще никакимъ опредѣленнымъ правиламъ и совершенно зависѣлъ отъ произвола лица говорящаго, и опредѣленныя правила языка, *грамматика*,—суть уже произведенія позднѣйшаго времени.

Хотя родъ человѣческій, разсѣявшись по всему земному шару, раздѣлился на множество совершенно отдѣльныхъ группъ (народовъ), изъ которыхъ каждая выработала свой собственный говоръ, болѣе или менѣе чуждый членамъ другой группы, однакожъ, слѣды общаго происхожденія этихъ говоровъ со-

хранились до настоящаго времени и дали возможность ученымъ раздѣлить языки всѣхъ образованныхъ народовъ Азіи и Европы на два основные разряда, отъ которыхъ, какъ молодые побѣги, расходятся въ разныя стороны разнообразныя нарѣчія. Къ первому разряду принадлежатъ языки такъ называемой *семической* или *семитической* семьи народовъ, населяющихъ Азію (арабскій, еврейскій, турецкій и другіе, также—исчезнувшіе теперь языки—финикійскій, карѳагенскій, сирійскій и халдейскій); второй разрядъ составляютъ языки *индоевропейскіе* или *арійскіе*, происшедшіе, судя по корнямъ, лежащимъ въ ихъ основаніи, отъ древнѣйшаго языка санскритскаго. Кромѣ нѣкоторыхъ азіатскихъ языковъ, въ этотъ разрядъ входитъ большая часть языковъ европейскихъ. Оба эти разряда распадаются, въ свою очередь, на нѣсколько отдѣльныхъ семействъ, или нарѣчій, какъ напр., во второй разрядъ входятъ нарѣчія *романскія* (языки французскій, итальянскій, испанскій), *славянскія* (языки русскій, польскій, богемскій, сербскій) и другія.

Прошли цѣлыя тысячелѣтія съ тѣхъ поръ, какъ люди стали легко, свободно и чрезвычайно быстро передавать свою мысль другъ другу чистыми, ясными, гибкими и членораздѣльными звуками своего голоса. Создавъ изъ этихъ звуковъ языкъ, они, съ помощью ума и воображенія, съумѣли сдѣлать его на столько живымъ и изобразительнымъ, что словами теперь можно нарисовать все, что угодно, и такое искусство не только не хуже живописи красками, но и во многихъ отношеніяхъ превосходитъ ее. Если не вѣрите, посудите сами: вотъ напр., какъ въ баснѣ Крылова изображается вся прелесть соловьинаго пѣнія:

„Тутъ соловей являть свое искусство сталъ:
Защелкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался,
То нѣжно онъ ослабѣвалъ
И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался“.

Пусть же самый талантливый живописецъ возьметъ карандашъ, или кисть, и попробуетъ нарисовать эту превосходную картину, такъ живо изображенную всего въ четырехъ коротенькихъ строкахъ басни!

Изъ этого примѣра уже достаточно ясно, что словами можно изобразить какія угодно дѣйствія, чувства, отвлеченныя понятія, совершенно недоступныя ни живописи, ни какому другому искусству, кромѣ искусства словеснаго, или *поэзіи*.

Но не въ этомъ только состоитъ громадное значеніе дара слова, которымъ отличается человѣкъ отъ всѣхъ живыхъ существъ на землѣ. Если бы люди не умѣли говорить, они и до сихъ поръ мало бы чѣмъ отличались отъ животныхъ; вся образованность, всѣ науки и всѣ высшія блага, соединенныя съ тѣмъ и другимъ, не могли бы явиться на свѣтъ Божій.

Мы обогащаемся новыми свѣдѣніями, нашъ умъ развивается и дѣлается сильнѣе, главнымъ образомъ посредствомъ постояннаго и быстраго обмѣна мыслей между людьми, и если бы люди не умѣли ясно и быстро высказывать этихъ мыслей,—мы были бы лишены могущественнѣйшаго средства нашего развитія и усовершенствованія. Одной мимики было бы далеко недостаточно, такъ какъ ею можетъ быть выражено только весьма ограниченное количество понятій, да и то только передъ глазами присутствующихъ, тогда какъ съ помощью языка, а въ особенности теперь, посредствомъ письма и печати (да еще и телеграфа), каждая полезная мысль въ самое короткое время можетъ облетѣть весь земной шаръ и сдѣлаться достояніемъ всего человѣчества.

Громадныя, неисчислимыя благодѣянія отъ дара слова очевидны уже изъ того, что человѣкъ, чѣмъ лучше владѣетъ этимъ по истинѣ драгоцѣннѣйшимъ даромъ, тѣмъ вѣрнѣе всегда достигнетъ всего того, къ чему онъ стремится. Ужь мы не будемъ говорить о томъ, какъ Божественный нашъ Учитель Словомъ Своимъ спасъ весь родъ человѣческій. Обратимся къ исторіи— и увидимъ въ ней множество примѣровъ того, какъ сильное, вооруженное увѣренностію въ правотѣ своего дѣла и согрѣтое любовью къ человѣчеству, краснорѣчіе совершало чудеса, увлекая сотни тысячъ и милліоны людей на великіе подвиги. Вспомнимъ древняго аѳинскаго пѣвца Тиртея, воодушевлявшаго спартанцевъ въ ихъ борьбѣ съ непріятелемъ своими чудными пѣснями, благодаря которымъ они и одержали побѣду; бѣдный нищій-монахъ, босой, покрытый рубищемъ, увлекъ всю западную

Европу въ крестовые походы, на освобожденіе гроба Господня; Мартинъ Лютеръ обратилъ въ свое ученіе чуть не половину Европы. Положимъ, все это—необыкновенные, великіе люди, дѣйствовавшіе не только краснорѣчіемъ; но и въ ежедневной жизни мы безпрестанно встрѣчаемъ блистательные примѣры того, какъ человѣкъ, умѣющій хорошо, т.-е. вполнѣ правильно, ясно, живо, горячо и убѣдительно говорить, что называется, просто, водитъ за собою людей, заставляетъ ихъ дѣлать все, что онъ захочетъ. Часто бываетъ, что люди сначала ни за что не соглашавшіеся съ тѣмъ, о чемъ ихъ просили, или чего у нихъ требовали, мало-по-малу прислушивались къ чуднымъ, музыкальнымъ, убѣдительнымъ рѣчамъ уговаривавшаго ихъ лица, заслушивались его все болѣе и болѣе и увлекались его краснорѣчивыми доводами и живыми, изобразительными объясненіями до того, что незамѣтно начинали и сами думать точно такъ-же,—и поступали именно согласно желанію говорившаго.

Тамъ, гдѣ не дѣйствуютъ ни угрозы, ни насиліе, ни даже самыя мученія, живое, убѣдительное слово побѣждаетъ всѣ препятствія. Не даромъ же древніе греки и римляне такъ высоко цѣнили своихъ *ораторовъ* (людей, говорившихъ публично на площади о дѣлахъ общественныхъ), что не предпринимали ни одного важнаго государственнаго дѣла безъ ихъ разъясненія и совѣта.

Все это должно убѣдить всякаго въ необходимости обращать какъ можно болѣе вниманія на свою рѣчь. Это тѣмъ болѣе необходимо, что недостатки и дурныя привычки въ языкѣ, усвоиваемыя нами въ дѣтствѣ, часто мѣшаютъ намъ во всю жизнь; мы, къ великой нашей досадѣ и огорченію, никакъ не можемъ отъ нихъ отдѣлаться, и сознаніе ихъ сильно вредитъ намъ, когда мы говоримъ публично, конфузитъ насъ и тѣмъ окончательно портитъ и губитъ всю нашу рѣчь.

Разумное и внимательное изученіе грамматики, частыя упражненія въ разсказахъ, въ чтеніи образцовыхъ писателей и въ составленіи собственныхъ сочиненій, конечно, сильнѣе всего помогутъ всякому, желающему усвоить себѣ языкъ правильный и безукоризненный; все это придетъ со временемъ,

мало-по-малу, къ концу школьнаго ученія; а до тѣхъ поръ мы можемъ предложить нашимъ читателямъ нѣсколько совѣтовъ, за полезность которыхъ ручаемся.

Прежде всего, будьте какъ можно внимательнѣе къ тому, что вы говорите и ка̀къ именно, т.-е. какими словами выражаете свои мысли, въ какой формѣ употребляете эти слова и въ какомъ порядкѣ ихъ разставляете. Относительно перваго, т.-е. содержанія рѣчи, необходимо предварительно хорошенько продумать и совершенно ясно понять все, что вы собираетесь сказать. Коль скоро самый предметъ рѣчи не вполнѣ ясенъ для самого говорящаго, эта неясность непремѣнно отразится и въ его рѣчи; онъ невольно будетъ употреблять слова не тѣ, которыя надобно, и разставлять ихъ въ неправильномъ, сбивчивомъ порядкѣ. Наши мысли отражаются въ словахъ, какъ въ зеркалѣ, и потому, неясныя понятія неизбѣжно выразятся и въ словахъ неясныхъ. Разберитесь сначала хорошенько съ вашими мыслями въ головѣ, разставьте ихъ въ надлежащемъ порядкѣ, и потомъ уже совершенно спокойно, не торопясь, начните излагать ихъ. Относительно же выбора и употребленія словъ и выраженій, прислушивайтесь внимательнѣе къ разсказамъ тѣхъ изъ окружающихъ васъ, кто, по увѣренію людей знающихъ, говоритъ правильно и хорошо, старайтесь запоминать *слогъ* (т. е. манеру рѣчи, построеніе, или порядокъ словъ и выраженій) и *языкъ* (самый выборъ словъ) тѣхъ сочиненій, которыя вамъ даютъ, какъ образцовыя. Наоборотъ: часто вокругъ насъ слышится рѣчь весьма неправильная, испорченная, состоящая изъ дурно выбранныхъ словъ и выраженій, по невѣдѣнію, небрежности, а иногда—и просто изъ дурачества. Такія слова и выраженія на первый разъ могутъ показаться смѣшными и забавными; но остерегайтесь повторять ихъ, такъ какъ употребленіе ихъ можетъ обратиться въ привычку и сильно исказить вашъ языкъ. Кромѣ *точности*, *изобразительности* и *чистоты* языка, кромѣ *правильности* и *ясности* слога, необходимо обращать вниманіе и на самую манеру произношенія: разсказъ, самъ по себѣ очень правильно и хорошо построенный, не рѣдко совершенно пропадаетъ для слушателей только потому, что былъ дурно произнесенъ: слиш-

комъ тихо, или слишкомъ скоро, съ заиканіемъ, картаво, или шепеляво, невыразительно, монотонно (т.-е. сплошь однимъ тономъ), вовсе безъ удареній, или съ удареніями неправильными, слишкомъ тихимъ, невнятнымъ голосомъ, или, наоборотъ, — слишкомъ крикливымъ, производящимъ непріятное впечатлѣніе на слушателей. Всѣ эти недостатки ясно указываютъ, чего именно слѣдуетъ избѣгать, когда мы говоримъ, и какія правила долженъ постоянно соблюдать каждый, желающій, чтобы его слушали съ удовольствіемъ. Человѣкъ, съумѣвшій соединить въ своей рѣчи всѣ ея достоинства, внутреннія и наружныя, на которыя я указывалъ, доставляетъ высокое наслажденіе всѣмъ его окружающимъ, и въ то же время пріобрѣтаетъ и самъ огромное на нихъ вліяніе. Кромѣ того, увлекательнымъ даромъ слова онъ достигаетъ въ жизни такъ много пользы и удовольствія для себя самого, что навѣрное каждый изъ моихъ читателей почувствуетъ себя въ скоромъ времени весьма счастливымъ, если не пожалѣетъ теперь трудовъ, терпѣнія и какихъ бы то ни было усилій, чтобы только выработать въ себѣ этотъ чудный даръ.

Жизнь словъ.

Слово—такое могущественное орудіе добра и зла въ жизни человѣческой, что всякій новый шагъ въ дѣлѣ его изученія, всякій свѣжій лучъ свѣта, проникающій въ далеко еще недостаточно освѣщенную область лингвистики, не можетъ не порадовать каждаго интересующагося этимъ предметомъ. За послѣднее время такой новый шагъ сдѣланъ профессоромъ словеснаго факультета въ Парижѣ, Дармстетеромъ, въ изданномъ имъ въ 1887 году трудѣ, подъ названіемъ: „Жизнь словъ, изучаемая въ ихъ значеніи" (Vie des mots étudiée dans leurs significations), составленномъ изъ лекцій, читанныхъ имъ студентамъ. Оставляя формальную, техническую сторону образованія словъ и строенія рѣчи, надъ чѣмъ почти исключительно останавливались лингвисты, авторъ подходитъ къ занимающему его вопросу съ новой стороны, не лишенной не только оригинальности, но и основательности, возбуждающей интересъ и вниманіе читателя. Исходя изъ того, теперь уже общепризнаннаго, положенія, что языки различныхъ народовъ суть живые организмы, живущіе такою же реальною жизнію, какъ и организмы растительные и животные, онъ старается разъяснить, какимъ образомъ живое слово зарождается, растетъ и крѣпнетъ въ смыслѣ его дальнѣйшаго развитія и, такъ сказать, гражданской полноправности, и, наконецъ, умираетъ, подобно другимъ физическимъ организмамъ. Эволюціонное движеніе языка, т. е. его развитіе, говоритъ онъ, происходитъ постоянно, и лишь нѣкоторое время, болѣе или менѣе продолжительное, онъ находится какъ бы въ состояніи равновѣсія между двумя противуположными силами: консервативной, стремящейся къ сохраненію его въ данномъ состояніи, и прогрессивной, влекущей его на новые пути. И вотъ, въ балансированіи между

этими двумя силами, въ борьбѣ за существованіе съ одной стороны, и въ неизбѣжномъ обновленіи съ другой, и заключается именно то, что̀ Дармстетеръ называетъ жизнію словъ.

Небольшая книжка, съ которой мы хотимъ познакомить нашихъ читателей, состоитъ, кромѣ краткаго введенія, изъ трехъ отдѣловъ, изъ которыхъ въ первомъ говорится о томъ, какъ слова зарождаются, во второмъ—объясняется ихъ существованіе и взаимное соотношеніе между собой, и, наконецъ, въ третьемъ—какимъ образомъ онѣ умираютъ.

Само собой разумѣется, всѣ эти вопросы далеко не исчерпываются съ тою полнотою и глубиной изслѣдованія, которыхъ можно было бы ожидать лишь отъ капитальнаго ученаго труда, тѣмъ не менѣе, однакожъ, тѣ пріемы, съ которыми авторъ приступаетъ къ ихъ разъясненію, и съ его точки зрѣнія на предметъ, пролагаютъ новые пути къ изученію языка.

Другой парижскій профессоръ, Бреаль*), признавая такое сравненіе словъ съ живыми организмами лишь чистою метафорой, полагаетъ, что языкъ нашъ есть только продуктъ нашего ума и внѣ его не имѣетъ ни своей самостоятельной жизни, ни даже своего отдѣльнаго реальнаго существованія, и въ подтвержденіе такого взгляда указываетъ на весьма серьезный и сложный трактатъ Фрейсбургскаго профессора Германа Поля, „Принципы лингвистики", въ которомъ излагаются подробныя изслѣдованія явленій именно интеллектуальнаго свойства, дѣйствующихъ на измѣненія въ языкѣ. Но во всякомъ случаѣ, дѣло вѣдь не въ тѣхъ сравненіяхъ, къ которымъ прибѣгаетъ Дармстетеръ въ своемъ изложеніи, а въ самой сущности его чрезвычайно интересныхъ изслѣдованій.

Относительно вопроса о первоначальномъ происхожденіи дара слова у людей, авторъ, находя, что самыя глубокія и наиболѣе отдаленныя изслѣдованія успѣли открыть лишь корни, произведенные отъ корней первоначальныхъ, окончательно исчезнувшихъ, высказываетъ предположеніе, что когда-нибудь сравнительное изученіе человѣческой рѣчи и изысканіе нѣкоторыхъ признаковъ аналогіи съ языкомъ животныхъ, антропологія въ связи съ зоологіей, можетъ быть, приведутъ

*) Histoire des mots, p. Bréal. Revue de deux mondes. Juillet 1887.

къ какимъ-либо новымъ открытіямъ въ этой области, до сихъ поръ теряющейся въ метафизическихъ разсужденіяхъ. Поэтому, онъ обращается прямо къ наблюденіямъ существующаго языка, которыя мы и передаемъ въ краткомъ извлеченіи.

Слова можно изучать съ двухъ сторонъ: во-первыхъ, какъ чистые звуки, происхожденіе которыхъ зависитъ отъ голосовыхъ органовъ, имѣющіе въ каждомъ языкѣ свое обычное произношеніе, свою собственную систему—фонетику, изученіе которой болѣе можетъ интересовать не философа, а физіолога или антрополога, такъ какъ зависитъ отъ органовъ нашего тѣла и среды, въ которой языкъ развивается; во-вторыхъ, какъ естественныя, установившіяся группы звуковъ, самостоятельныхъ и независимыхъ одна отъ другой. Изъ этихъ группъ являются новыя слова и составляютъ такимъ образомъ семейства словъ. Изъ двухъ или болѣе словъ составляются новыя, обыкновенно называемыя сложными или составными, или же, посредствомъ приставокъ и окончаній (префиксовъ и суффиксовъ), образовываются другія слова,—производныя, съ измѣненіемъ своихъ внѣшнихъ, звуковыхъ формъ получающія и новое внутреннее значеніе.

Существуетъ два способа появленія словъ, а именно: появленіе новыхъ, прежде не существовавшихъ, словъ (неологизмы словъ) и усвоеніе ими новаго значенія (неологизмы значеній), и это послѣднее представляется уже продуктомъ нашихъ логическихъ и психическихъ способностей. При образованіи словъ этой категоріи мы пользуемся сходствомъ признаковъ однихъ предметовъ съ другими, аналогіей впечатлѣній, произведенныхъ на насъ тѣмъ или другимъ словомъ, какимъ - либо мотивомъ, дающимъ намъ основаніе названіе одного какого-нибудь предмета перенести на другой. Лучшими примѣрами и поясненіемъ этого рода словъ служатъ такъ-называемые омонимы (носъ—часть тѣла, носъ—корабля, носъ—часть земли; хребетъ спинной, хребетъ горный и т. п.). Но встрѣчаются и обратные случаи: одно и то же слово мы употребляемъ не только въ различныхъ, но въ совершенно противуположныхъ значеніяхъ; напр., *ахъ!*—въ смыслѣ радости и испуга; *отказать*—оставить въ наслѣдство, отдать

по завѣщанію, и не соглашаться, отвергать просьбу; *отходить*—опомниться, придти въ себя, и умирать, удаляться; *рожа*—некрасивое лицо и накожная болѣзнь, а въ Казанской губерніи—красота, и мн. др. Въ подобныхъ случаяхъ дѣйствуетъ уже законъ не ассоціаціи идей, а противуположенія, или антитезы.

Въ каждомъ языкѣ слово есть звукъ или соединеніе членораздѣльныхъ звуковъ, которымъ произносящій ихъ придаетъ то или другое разумное значеніе. Это—звуковой знакъ, возбуждающій въ насъ, путемъ извѣстной ассоціаціи идей, представленіе какого-либо матеріальнаго предмета, или же извѣстной отвлеченной идеи. Въ нашемъ умѣ постоянно сохраняется соотношеніе этого знака съ его внутреннимъ содержаніемъ, каждое произносимое или прочитываемое слово воспроизводитъ въ насъ ту идею, выраженіемъ которой оно служитъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что жизнь словъ и заключается въ томъ постоянномъ пріобрѣтеніи, сохраненіи и утратѣ различныхъ значеній, которыя нашъ умъ силою привычки придаетъ имъ, причемъ онѣ являются нормальными знаками извѣстныхъ представленій или идей. Эту отрасль лингвистики, занимающуюся изученіемъ различныхъ значеній словъ, спеціалисты называютъ *семантикой* и противуполагаютъ ее фонетикѣ. Названіе это заимствовано отъ греч. глагола ἶξμἶνω,—означаю. Самое же свойство словъ обладать нѣсколькими различными значеніями Бреаль предлагаетъ называть *полисеміей*. Слова *рождаются*, когда мы какимъ-либо новымъ словомъ обозначаемъ какое-либо понятіе; онѣ *развиваются* или *ослабѣваютъ*, смотря по тому, расширяемъ-ли мы ихъ значеніе, или съуживаемъ, и, наконецъ, *умираютъ*, когда уже не служатъ болѣе выраженіемъ извѣстныхъ идей и, вслѣдствіе того, забываются. Такимъ образомъ, источникъ жизни словъ лежитъ въ нашемъ мышленіи, вырабатывающемъ разнообразныя соотношенія между ихъ звуковыми обозначеніями.

Нашъ языкъ, казалось бы, долженъ имѣть столько же отдѣльныхъ словъ, сколько и отдѣльныхъ понятій, т.-е. каждое понятіе должно бы обозначаться и своимъ новымъ названіемъ. Но при такомъ способѣ выраженія мыслей, наша память была

бы подавлена страшною массою словъ, которыя пришлось бы постоянно помнить. Звуковыя темы, да и средства, оказались бы недостаточными для столь безчисленныхъ комбинированій,—и люди придумали гораздо простѣйшій способъ: одно и то же слово мы употребляемъ, какъ пояснено выше, во многихъ различныхъ значеніяхъ.

Какъ извѣстно, между нисшими существами (микроорганизмами) существуетъ процессъ размноженія путемъ дѣленія. Организмъ зрѣетъ и затѣмъ дѣлится на множество отдѣльныхъ, но одинаковыхъ частей, изъ которыхъ каждая живетъ своею индивидуальною жизнію. То же самое происходитъ и въ языкѣ: одно и то же слово распадается на нѣсколько значеній, каждое изъ нихъ облечено въ одинаковую или сходную съ первоначальною звуковую форму, но въ то же время каждое имѣетъ свое самостоятельное бытіе. Въ живой рѣчи часто забывается родственность происхожденія такихъ словъ и только развѣ въ лексиконахъ и въ алфавитныхъ словаряхъ онѣ размѣщаются въ родословномъ порядкѣ, прямо указывающемъ на ихъ общаго родоначальника.

Этимъ, т.-е. такою общностью происхожденія словъ, съ одной стороны, и прочно усвоеннымъ самостоятельнымъ значеніемъ каждаго изъ нихъ, съ другой, объясняется то, на первый взглядъ странное, явленіе, что однѣ и тѣ же слова, въ случаѣ надобности, тотчасъ же являются въ нашей памяти въ тѣхъ именно личныхъ, спеціальныхъ значеніяхъ, въ которыхъ мы желаемъ ихъ употребить. Напримѣръ, если я хочу выразить мысль, что *такой-то ученикъ стоитъ во главѣ своего класса*,— слова *глава* и *классъ* предстанутъ въ моемъ сознаніи въ томъ именно спеціальномъ смыслѣ, въ которомъ я ихъ употребляю, и мнѣ ни на одно мгновеніе не понадобится останавливаться на другихъ значеніяхъ этихъ словъ. Происходитъ это отъ того, что тѣ спеціальныя представленія, которыя я выражаю этими словами, по свойствамъ моего языка, связаны съ этими словами и, употребляя послѣднія въ этомъ спеціальномъ смыслѣ, я въ ту минуту вовсе и не думаю о другихъ смыслахъ этихъ словъ. Спеціальная идея вызываетъ и слова въ соотвѣтствующемъ спеціальномъ смыслѣ, такъ какъ умъ нашъ, при выраженіи

какой-либо мысли, отправляется отъ этой послѣдней къ слову а не наоборотъ. Пріискиваютъ сначала слово, пригодное для выраженія извѣстнаго понятія только въ случаяхъ изученія неизвѣстнаго языка.

Поэтому же весь запасъ словъ, которымъ каждый изъ насъ обладаетъ, остается въ нашемъ умѣ почти всецѣло скрытымъ, какъ бы спящимъ, и къ нашимъ услугамъ являются только тѣ слова, которыя намъ необходимы въ данную минуту для выраженія дѣйствующей въ нашемъ умѣ мысли; все же остальное исчезаетъ, подобно тому, какъ исчезаютъ въ нашемъ мозгу всѣ безчисленныя представленія, всѣ идеи, въ то время, когда онъ занятъ какой-либо одной опредѣленной мыслью. Слова, какъ воспроизведенія мыслей, подчинены, подобно имъ, законамъ ассоціаціи идей.

Измѣненіе значеній словъ чаще всего встрѣчается въ именахъ существительныхъ и прилагательныхъ и въ глаголахъ, и рѣже въ неизмѣняемыхъ частяхъ рѣчи и въ мѣстоименіяхъ, хотя, впрочемъ, и въ этихъ послѣднихъ группахъ существуютъ случаи подобныхъ измѣненій; напр., нарѣчіе *однажды* употребляется въ смыслѣ—*одинъ разъ* и *когда-то, въ неопредѣленное время*; *едва*—т.-е. чуть-чуть, немного; едва-ли—наврядъ, сомнительно; франц. jamais—никогда и à jamais—*навсегда*; мѣстоименіе *мы* употребляется государями вмѣсто *я*; нѣмцы съ мѣстоименіемъ er обращаются къ лицу, стоящему гораздо ниже лица, говорящаго съ нимъ, и т. д. *).

Большинство названій предметовъ происходитъ отъ какихъ-нибудь характеристическихъ ихъ признаковъ, отъ того или другого впечатлѣнія, производимаго ими на человѣка. Примѣры: *покой* (комната)—отъ того покоя, отдохновенія, для котораго первоначально, главнымъ образомъ, этотъ предметъ предназначался; *горница*—комната, устраивавшаяся на верху,—*горѣ*; *свѣтлица*—комната со многими окнами, отличающаяся оби-

*) Относительно приводимыхъ въ этой статьѣ примѣровъ мы пользуемся лишь нѣкоторыми изъ указываемыхъ Дармстетеромъ, другіе же, не свойственные русскому языку, замѣняемъ своими.

ліемъ *свѣта; кладбище*—мѣсто, куда *кладутъ* покойниковъ, и *погостъ*—отъ народнаго вѣрованія, что каждый погребенный въ землѣ есть въ ней только временный *гость*, до общаго воскресенія. Не только слова производныя, но происхожденіе и коренныхъ словъ, коль скоро лингвистамъ удается доискаться до ихъ первоначальныхъ корней, объясняется тѣмъ же психическимъ закономъ. Укажемъ на такія слова, какъ *земля* и *море*. Оказывается, что источникъ перваго изъ нихъ лежитъ въ санскритскомъ zêmo—*рождаю, оплодотворяю* (плодородіе—наиважнѣйшее свойство земли), а второго — въ латинскомъ mors—смерть—страхъ гибели, смерти (господствующее впечатлѣніе, производимое этою стихіей на первобытнаго человѣка).

Названіе признака, дающее названіе предмету, служитъ, такимъ образомъ, и опредѣленіемъ послѣдняго, который, въ свою очередь, по отношенію къ нему, будетъ опредѣляемымъ, и въ русскомъ языкѣ, подобно другимъ, кромѣ существительныхъ въ тѣсномъ смыслѣ, опредѣляющихъ предметъ по его признаку, существуетъ много именъ прилагательныхъ, употребляемыхъ въ смыслѣ существительныхъ, причемъ собственно существительное (опредѣляемое) подразумѣвается, какъ, напр., посыльный, дневальный, часовой, доѣзжачій, пожарный, главнокомандующій, и проч. Въ словахъ составныхъ, соотношеніе опредѣляющаго съ опредѣляемымъ особенно ясно, такъ какъ одновременно выражены и то, и другое: напр., въ словѣ *листопадъ*, листъ есть слово опредѣляемое, а *падъ*—опредѣляющее.

И такъ, выборъ извѣстнаго признака составляетъ первый актъ нашего ума при именованіи какого-либо предмета; онъ останавливается на какомъ-нибудь свойствѣ предмета и по имени этого свойства называетъ и самый предметъ. Но, съ другой стороны, такое свойство далеко не во всѣхъ словахъ бываетъ очевидно и названіе его не служитъ прямо нарицательнымъ именемъ предмета, подобно тому, какъ въ приведенныхъ выше примѣрахъ, а лежитъ лишь въ основаніи происхожденія того или другого названія. Напр., слово *тетрадь* происходитъ отъ греческаго τέτρα (четыре), т.-е. четыре листика, соединенныхъ вмѣстѣ; франц. cahier—отъ латинскаго quaternum—тоже соединеніе четырехъ; *хоромы*, большія рос-

кошныя комнаты,—отъ *храмъ* (вслѣдствіе сходства по величинѣ и великолѣпію); *дубрава*,—большой дремучій лѣсъ,—отъ слова *дубъ; гробъ*—отъ *гре(б)сти, рыть, погре(о)бать*. Такихъ скрытыхъ, не видныхъ на первый взглядъ источниковъ первоначальнаго происхожденія словъ особенно много въ словахъ, заимствованныхъ изъ иностранныхъ языковъ; напр. *солдитъ*—отъ итальянскаго soldo—*плачу*, т.-е. человѣкъ, оплачиваемый жалованьемъ; *конфекты*—отъ итал. confectura, т.-е. *сдѣланное, приготовленное*.

Вотъ, еще нѣсколько примѣровъ изъ группы словъ, въ которыхъ надо доискиваться признаковъ, послужившихъ опредѣленіемъ данному предмету:

Капралъ, капитанъ—начальникъ (отъ лат. caput—голова).

Сержантъ—служитель (отъ лат. servire—служить).

Офицеръ—облеченный обязанностями (отъ лат. officium—обязанность).

Работникъ, работа—отъ слова рабъ.

Вождь, полководецъ—отъ слова вести.

Но въ каждомъ языкѣ существуетъ множество словъ, означающихъ названіе предмета, но вовсе не указывающихъ на его собственныя природныя свойства. Это происходитъ отъ того, что имя какого-либо предмета служитъ не для опредѣленія послѣдняго, а лишь для возбужденія въ нашемъ умѣ извѣстнаго представленія, какъ всякое собственное имя или фамилія человѣка вовсе не указываетъ характеристическихъ особенностей даннаго лица, и только воспроизводитъ въ насъ его образъ. Поэтому, часто какого-нибудь, самаго незначительнаго, мимолетнаго признака, коль скоро онъ установится за извѣстнымъ предметомъ между людьми, говорящими на одномъ языкѣ, бываетъ достаточно для того, чтобы имя этого признака сдѣлалось именемъ и самаго предмета. Существуетъ, напр., растеніе, извѣстное подъ именемъ *не тронь меня*... Эти слова вовсе вѣдь не указываютъ на предметъ, а между тѣмъ, достаточно было подмѣтить свойство растенія свертывать свои листки при малѣйшемъ прикосновеніи къ нимъ, чтобы придать ему приведенное названіе. Въ послѣдніе годы стали называть браслеты извѣстнаго фасона porte bonheur'ами (приносителями счастья)...

чѣмъ же это слово опредѣляетъ предметъ, который оно обозначаетъ? Мимолетная идея о томъ, что при дареніи такого браслета можно пожелать одаряемому счастья, оказалась достаточною для образованія этого названія предмета. Подобнаго, весьма слабаго, характеристическаго признака предмета оказывается достаточнымъ для образованія его имени, вслѣдствіе того, что мы выражаемъ словами не всѣ представленія, возбуждаемыя въ нашемъ умѣ, а лишь нѣкоторыя, способныя воспроизводить въ умѣ слушателей и тѣ, другія понятія, остающіяся невысказанными. Пояснимъ это примѣромъ: если въ разговорѣ употребляется слово *радикалъ*, то совершенно излишне пояснять, о какомъ именно радикалѣ идетъ рѣчь,—химическомъ, алгебраическомъ, лингвистическомъ, или о человѣкѣ радикальныхъ политическихъ убѣжденій, такъ какъ то или другое значеніе этого слова естественно опредѣляется характеромъ разговора. Если кухарка спрашиваетъ у лавочника осьмушку уксуса и осьмушку чаю, то, конечно, онъ тотчасъ пойметъ, что въ первомъ случаѣ рѣчь идетъ объ осьмушкѣ бутылки, а во второмъ—объ осьмушкѣ фунта. Такимъ образомъ, одного опредѣленія бываетъ совершенно достаточно, чтобы по нему узнать и опредѣляемое. Въ первое время своего появленія слова этого рода возбуждаютъ въ умѣ представленіе извѣстнаго признака, и затѣмъ, посредствомъ послѣдняго,—и предметъ, имъ опредѣляемый, а потомъ, съ произнесеніемъ этихъ словъ представляется уже непосредственно самый предметъ. Напр., со словами: *паровикъ*, *древко*, *орудіе*, *ловчій*, *орденъ*, *колонна*, *декорація*, *ревунъ*, *волна*, *лѣнивецъ*, *охотникъ*, *баба* и мн. др., первоначально, очевидно, соединялись представленія о парѣ, маленькомъ деревѣ, предметѣ, предназначенномъ для извѣстнаго употребленія. Затѣмъ, при этихъ словахъ, при употребленіи ихъ въ извѣстной формѣ и въ извѣстныхъ случаяхъ, являются представленія уже о другихъ предметахъ, къ которымъ пріурочены признаки первыхъ, и наконецъ, теперь, уже помимо представленій первоначальныхъ, съ этими словами въ нашемъ умѣ прямо возстаютъ представленія о вмѣстилищѣ пара, шестѣ для знамени или пики, о пушкѣ, охотникѣ, занимающемся ловлею звѣрей или птицъ. При этомъ, первоначальное, этимологическое зна-

ченіе слова какъ бы совершенно забывается, и такое забвеніе въ особенности имѣетъ мѣсто при употребленіи словъ въ переносномъ смыслѣ.

Дармстетеръ довольно подробно объясняетъ внутренній, логическій процессъ употребленія словъ и выраженій фигуральныхъ, т. е. въ переносномъ смыслѣ и, опредѣляя главнѣйшіе виды троповъ,—синекдоху, метонимію, метафору и катакрезу, подтверждаетъ свои наблюденія и выводы многочисленными примѣрами; но въ этомъ нѣтъ намъ надобности слѣдовать за нимъ, такъ какъ первые три вида троповъ хорошо извѣстны и въ нашихъ учебникахъ словесности. Интересны здѣсь лишь его объясненія тѣхъ совершенно естественныхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ значеніе словъ этой группы то расширяется, то съуживается въ нашемъ умѣ, то переносится съ одного понятія на другое, названіе рода употребляется вмѣсто названія вида и наоборотъ, единственное число вмѣсто множественнаго, или множеств. вм. единственнаго, и т. д. и во всѣхъ этихъ постоянныхъ измѣненіяхъ словъ, именно и составляющихъ жизнь языка, дѣйствуютъ разумныя логическія причины, вызывающія, по закону ассоціаціи идей, при названіяхъ однихъ какихъ-либо понятій, другія, имѣющія съ первыми что-либо общее. Что же касается катакрезы, то подъ этимъ терминомъ авторъ разумѣетъ ни что иное, какъ опущеніе или, по его выраженію, забвеніе того или другого понятія, вошедшаго въ другое и послѣднимъ какъ бы поглощенное. Напр., при употребленіи имени прилагательнаго вмѣсто существительнаго (часовой, хожалый), опредѣленія вмѣсто опредѣляемаго, опредѣляемаго вмѣсто опредѣленія и т. д. слово, замѣняющее другое, какъ бы всасываетъ его въ себя и понятіе сначала, хотя и пропущенное, но подразумѣваемое, съ теченіемъ времени какъ будто совершенно забывается. Напр., воспоминаніе о вознесеніи Господнемъ составляетъ праздникъ, извѣстный подъ именемъ *Вознесенія* (Господня); здѣсь опредѣленіе часто совершенно поглощается опредѣляемымъ.

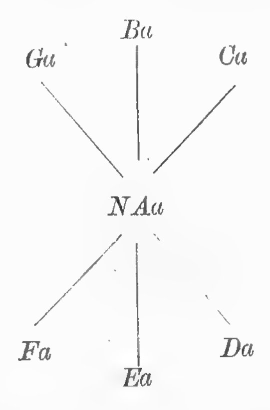
Такому процессу (катакрезѣ), происходящему въ нашемъ

умѣ, Дармстетеръ придаетъ важное значеніе въ развитіи языка, такъ какъ вслѣдствіе именно такой катакрезы, фигуральныя выраженія могутъ быть понимаемы одними въ ихъ переносномъ смыслѣ и означать совершенно новыя понятія, для другихъ же сохранять ихъ первоначальное содержаніе. Такъ—для француза слово cornet означаетъ простую бумагу, свернутую въ тюрикъ; иностранецъ же, мало знакомый съ французскимъ языкомъ, можетъ понять это слово въ первоначальномъ его значеніи—маленькаго рога. То же самое безпрестанно встрѣчается и во всѣхъ другихъ языкахъ и даже между людьми, говорящими на одномъ и томъ же языкѣ. Напр., карточные игроки подъ словомъ шлемъ разумѣютъ опредѣленное соединеніе картъ въ рукахъ играющаго, обусловливающее извѣстное число взятокъ, для непосвященнаго же въ карточную терминологію, это слово сохранитъ лишь свое первоначальное значеніе головнаго убора старинныхъ воиновъ. Пониманіе словъ и выраженій въ томъ или другомъ смыслѣ различными лицами вполнѣ зависитъ отъ того или другого происходящаго въ ихъ умѣ логическаго процесса, обусловливаемаго временемъ, мѣстомъ, средой, обстановкой, воспитаніемъ, возрастомъ (напр., ребенокъ всякаго мужчину называетъ дядей и всякую женщину — тетей), степенью развитія, индивидуальными особенностями, словомъ, — множествомъ причинъ, вліяющихъ на міросозерцаніе и умственныя представленія человѣка.

Всѣ эти простѣйшія формы употребленія словъ въ различныхъ значеніяхъ, хотя и встрѣчаются во всѣхъ языкахъ, представляютъ однако же не болѣе, какъ исключенія. Гораздо важнѣе другія, болѣе общія, но болѣе, сложныя формы развитія рѣчи, называемыя Дармстетеромъ *лучистостью* (rayonnement) и *сцѣпленіемъ* (enchaînement). Подъ первою онъ разумѣетъ тѣ группы словъ, въ которыхъ одинъ какой-либо предметъ распространяетъ свое названіе на цѣлую серію другихъ, вслѣдствіе общности ихъ характеристическихъ признаковъ. Такое названіе распространяется отъ первоначальнаго предмета, въ видѣ лучей, на другіе, къ нему почему-либо близкіе, напримѣръ, *корень* (растенія). Это слово распространяется и въ приложеніи къ *слову* (корень слова), къ злу (корень зла), къ алгебраической

величинѣ (квадратный корень алгебраической величины *в*) такъ какъ всѣ эти понятія (слово, зло, алгебраическая величина) могутъ быть разсматриваемы, какъ продукты того или другого первоначальнаго элемента, который можно сравнить съ корнемъ растенія. Слово *зубъ*, въ силу подобныхъ же основаній, прилагается и къ пилѣ, и къ кружевамъ, и къ виламъ, и къ гребню, и даже—въ фигуральномъ выраженіи—имѣть зубъ противъ кого-нибудь. Если названіе какого-нибудь предмета *А* означить буквою *N*, а какой-либо признакъ этого предмета—буквою *a*, то по закону лучистости, названіе *N* распространяется на другіе предметы *Б*, *C*, *D*, *E*, *F*, *G* и т. д. вслѣдствіе общности признака *a*, которымъ, въ числѣ другихъ своихъ признаковъ, обладаютъ эти предметы.

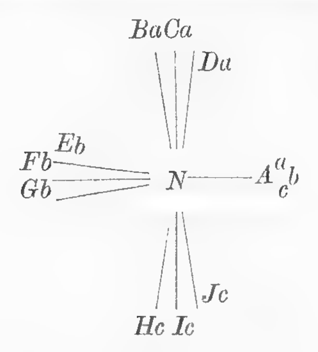
Такимъ образомъ, получается слѣдующая схема:

Иногда мы замѣчаемъ въ какомъ-либо предметѣ *N* нѣсколько различныхъ признаковъ и распространяемъ названіе этого предмета на различныя серіи другихъ предметовъ, изъ коихъ на одну серію—по одному присущему ей общему съ предметомъ *N* признаку, на другую—по другому и т. д. и въ подобномъ случаѣ получится такая схема: (см. стр. 34).

Напримѣръ, слово *голова*, какъ названіе высшей, важнѣйшей части тѣла, употребляется въ фигуральныхъ значеніяхъ: городской, сельскій голова, заголовокъ, заглавіе, глава церкви, глава семьи,—въ смыслѣ своей внѣшней формы—булавочная

головка, глава церковная, головка гвоздя;—какъ вмѣстилище мысли, ума,—этотъ человѣкъ—голова, а вотъ этотъ—плохая голова.

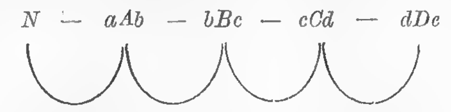
Наоборотъ, слово *хвостъ*, какъ оконечность, придатокъ тѣла, служитъ для означенія такого же признака при совершенно другихъ предметахъ, напр., идти *въ хвостъ* войска; — какъ длинная и тонкая линія: публика стоитъ *въ хвостъ* у театральной кассы;—какъ часть, непремѣнно слѣдующая за тѣломъ: этотъ человѣкъ всюду слѣдитъ хвостомъ за этой дамой, и т. д.

Слово *дерево*, какъ растеніе, пускающее отъ себя вѣтви и отростки, подало поводъ къ выраженію: родословное древо; въ смыслѣ твердости, неподвижности и непроницаемости, называютъ деревомъ, деревяннымъ человѣка безчувственнаго, тупоумнаго, неживого.

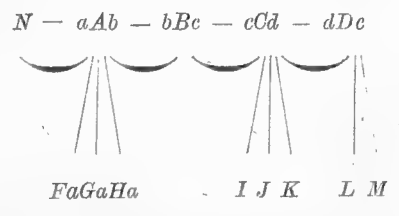
При сцѣпленіи, слово, переходя отъ одного предмета на другой, теряетъ свое первоначальное значеніе; затѣмъ, со второго предмета переходитъ на третій опять въ новомъ значеніи, утрачивая второе, и т. д. Напримѣръ, слово *ядро* въ первомъ своемъ значеніи означаетъ тѣло въ древесной скорлупѣ, изъ котораго выходитъ ростокъ, во второмъ—чугунный шаръ, употребляемый для стрѣльбы изъ пушки, въ третьемъ—кругловатую затвердѣлость въ тѣлѣ животномъ, въ четвертомъ—главное содержаніе или сущность чего-либо (ядро зла), и т. д.

Такъ, если N есть названіе древеснаго ядра, A—самый предметъ, a—его характеристическій признакъ, то слово N перейдетъ на предметъ B (чугунный шаръ), вслѣдствіе общно-

сти признака *b* между обоими этими предметами, затѣмъ—на предметъ *C* (затвердѣлость) по новому признаку *c*, связывающему *C* съ *B*, точно также и на предметъ *D* по признаку *d*, и т. д., и получится слѣдующая схема сцѣпленія словъ.

Весьма часто обѣ эти формы (лучистость и сцѣпленіе) перемѣшиваются между собою, т.-е. встрѣчаются въ языкѣ одновременно и та, и другая, и при такомъ смѣшеніи получается слѣдующая схема:

Такъ, если мы возьмемъ слово *духъ*, то употребленіе этого слова въ значеніяхъ безтѣлеснаго свойства, душевной силы, отличительнаго свойства чего-либо, тонкаго летучаго вещества, представитъ форму сцѣпленія, а въ значеніяхъ: Св. Духа, души человѣческой, благодати Божьей (*A*), запаха, ароматической эссенціи, извѣстнаго душевнаго настроенія (*C*), привидѣнія, дыханія, умѣренной теплоты (вольный духъ въ печи) (*D*),—мы видимъ форму лучистости.

Въ русскомъ языкѣ, какъ болѣе богатомъ, такихъ омонимовъ встрѣчается, сравнительно, менѣе; но французскій особенно изобилуетъ ими, какъ и вообще, чѣмъ бѣднѣе языкъ, тѣмъ большее число различныхъ понятій обозначается однимъ и тѣмъ же словомъ. Такъ, для примѣра смѣшанной формы сцѣпленія и лучистости, Дармстетеръ приводитъ, между прочимъ, слово timbre и указываетъ употребленіе его въ десяти различныхъ значеніяхъ, а именно: 1) струна, протягиваемая черезъ нижнюю часть барабана для приданія ему большей звучности; 2) колоколъ безъ языка, въ который бьютъ снаружи молоткомъ; 3) звукъ, издаваемый такимъ колоколомъ;

4) звуковое качество голоса или инструмента; 5) первый стихъ общественной пѣсни, помѣщаемый въ заголовкѣ какого-либо подражанія ей, для указанія напѣва; 6) печать или штемпель, оттискиваемые по требованію закона на бумагахъ и различныхъ актахъ; 7) штемпель, выставляемый почтовыми конторами на письмахъ и обозначающій мѣсто и время ихъ отправки; 8) обыкновенная почтовая марка; 9) закругленная часть каски, прилегающая къ головѣ; 10) какое-либо изображеніе на гербовомъ щитѣ, указывающее достоинство носящаго его лица.

II.

Покончивъ съ обзоромъ логическихъ условій языка, Дармстетеръ переходитъ къ изложенію психическихъ причинъ, дѣйствующихъ на измѣненіе нашихъ представленій, а съ ними — и значенія выражающихъ эти представленія словъ. Вновь появляющіяся слова обозначаютъ новые предметы, понятія, чувства, или же служатъ только новымъ способомъ выраженія прежнихъ представленій. Такимъ образомъ, появленіе новыхъ словъ идетъ вслѣдъ за измѣненіями представленій народа или его чувствованій. Хотя всевозможныя лингвистическія измѣненія, будетъ-ли это въ области фонетики, синтаксиса, морфологіи или лексики, происходятъ отъ условій личнаго, индивидуальнаго характера и потому, съ перваго взгляда, могутъ казаться какъ-бы произвольными, но, тѣмъ не менѣе, они могутъ войти въ языкъ и упрочиться въ немъ, лишь въ томъ случаѣ, когда будутъ соотвѣтствовать чувствамъ и понятіямъ народа, который, смотря по этому, можетъ принять ихъ или отвергнуть. Словомъ, въ этомъ отношеніи необходима полная гармонія въ психическомъ настроеніи автора подобныхъ измѣненій и народа, эти измѣненія воспринимающаго. Въ противномъ случаѣ, всякій неологизмъ не долговѣченъ и, блеснувъ при своемъ появленіи, быстро исчезаетъ, подобно метеору, безъ всякаго слѣда.

Измѣненія значеній словъ могутъ происходить отъ причинъ объективныхъ, внѣшнихъ, которыя можно назвать историческими, и отъ причинъ субъективныхъ, внутреннихъ.

Относительно измѣненій перваго рода, прежде всего, необходимо замѣтить, что одно изъ наиважнѣйшихъ историческихъ событій, измѣнившихъ всю нашу цивилизацію, несомнѣнно, есть появленіе христіанства. Оно внесло въ нашу жизнь громадную массу новыхъ идей, понятій и фактовъ, которые всѣ потребовалось опредѣлить такъ или иначе, и потому въ языкахъ европейскихъ народовъ должно было появиться множество совершенно новыхъ словъ, и съ другой стороны, весьма многія прежнія слова получили новое значеніе, соотвѣтственно времени, данному настроенію и религіозному созерцанію народа. Достаточно указать на такія, получившія совершенно спеціальный смыслъ, слова, какъ напр., *Спаситель*, *Искупитель*, *Завѣтъ*, *пріобщеніе*, *воплощеніе*, *Страсти Господни*, *Слово* („Въ началѣ бѣ Слово...“), и проч., и проч. Затѣмъ, и во всѣхъ другихъ сферахъ человѣческой мысли мы видимъ слѣды постояннаго движенія цивилизаціи, подъ вліяніемъ которой слова, имѣвшія прежде одно значеніе, съ теченіемъ времени получили совершенно другое. Такъ, французское parole въ настоящее время означаетъ обыкновенное слово; въ его первоначальной формѣ,— parabola, оно обозначало ту евангельскую проповѣдь, которою чудеснымъ образомъ обновлялся разлагавшійся языческій міръ латинянъ. Нынѣ именемъ baillі французы называютъ провинціальнаго судью, при императорѣ Діоклетіанѣ въ Римѣ bajulus назывались простые носильщики, затѣмъ, bajula,— кормилица дитяти римскаго императора; позднѣе, мужъ кормилицы является воспитателемъ юнаго принца, и такимъ образомъ, имя простого носильщика возвышается до титула важнаго сановника. Подобныя-же градаціи видимъ и въ словахъ: la cour, connetable, maréchal. Первоначально такъ назывались простой (да еще задній) дворъ, надсмотрщикъ надъ конюшнями, хранитель лошадей; а теперь—собраніе высшихъ чиновъ, окружающихъ государя и высшія государственныя званія; министръ—первоначально простой слуга—(minister), а теперь—высшій сановникъ. Наоборотъ, средневѣковое почетное

званіе vassal низошло до названія простого лакея—valet. Подобные примѣры деградаціи словъ встрѣчаются и въ русскомъ языкѣ: *цѣловальникъ*, въ старину — должностное лицо, цѣловавшее крестъ въ вѣрности царю, въ позднѣйшее время — приказчикъ въ питейномъ заведеніи; *фискалъ*, при Петрѣ Великомъ, — чиновникъ, наблюдавшій за охраненіемъ интересовъ казны, нынѣ въ общежитіи—простой доносчикъ.

Исторія общественныхъ нравовъ представляетъ подобныя же измѣненія въ значеніи словъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ: libertin, еще въ 17-мъ вѣкѣ—свободный мыслитель, а теперь просто человѣкъ легкаго нрава; honnête homme, въ 17-мъ вѣкѣ — человѣкъ высшаго типа, съ изысканными манерами, теперь — всякій порядочный человѣкъ; dame et demoiselle, — титулы замужнихъ женщинъ, смотря по различію ихъ общественнаго положенія, а теперь, demoiselle—дѣвица. Приблизительно до 1848 г. во Франціи marchands des nouveautés назывались книгопродавцы, а теперь — всякій торгующій даже дамскими модными нарядами.

Далѣе Дармстетеръ обращаетъ вниманіе на употребленіе собственныхъ именъ вмѣсто нарицательныхъ и на метафоры, и въ особенности интересно для насъ, русскихъ, его объясненіе слова esclave (рабъ).

„Слово это,—говоритъ онъ,—напоминаетъ объ ожесточенной борьбѣ, въ которой были окончательно поражены тѣ народы восточной Европы, которые на своемъ языкѣ называли себя „блистательными и знаменитыми“, „славными“ („Славянами“), и которыхъ германцы, коверкая ихъ имя въ своемъ грубомъ произношеніи, называли Sclaven и съ жестокою ироніею превратили это благородное слово въ одно изъ гнуснѣйшихъ въ современныхъ языкахъ“.

Слова: *вандалы* и *вандализмъ* до настоящаго времени сохранили воспоминаніе о неистовствахъ, совершенныхъ въ Африкѣ варварскими сподвижниками Гензериха.

Подобныхъ примѣровъ воспоминаній и обобщеній прошлаго въ современныхъ языкахъ великое множество: *амфитріонъ*, *атласъ*, *селадонъ*, *крезъ*, *гомерическій*, *геркулесъ*, *геркулесовы столбы*, *ловеласъ*, *фаетонъ*, *тартюфъ*, *гарпагонъ*, *плюшкинъ*, *апполонъ бель-*

ведерскій и т. д. Имена многихъ историческихъ лицъ употребляются въ смыслѣ именъ нарицательныхъ: *шасспо*, *гильотина*, *ерофеичъ*, *берданка*, *пальмерстонъ* (пальто). Произведенія различныхъ мѣстностей или народовъ часто называются именами послѣднихъ: валансьенъ, кретонъ, медокъ, хересъ, шампанское, бедуинка, черкеска, и т. д. Во всѣхъ словахъ этой категоріи ясно слышатся отзвуки исторіи съ ея безконечнымъ разнообразіемъ фактовъ.

Несомнѣнно также историческое происхожденіе и всѣхъ вообще метаѳоръ, хотя иногда признаки такого происхожденія и незамѣтны съ перваго взгляда; но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи ихъ, мы увидимъ, что языкъ почерпаетъ эти фигуральныя выраженія изъ всевозможныхъ сѳеръ нашей жизни—изъ природы, религіи, искусствъ, ремеслъ, и т. д., и т. д. Вотъ нѣсколько примѣровъ подобныхъ метаѳоръ: убогій, божій человѣкъ, скитаться, святки, блаженный, материкъ, матёрый, свѣтикъ, голубчикъ, земля (фонъ картины), гусь лапчатый, распѣтушиться, взять быка за рога, наперсникъ (отъ слова перси), вытанцовывать, глаголъ (часть рѣчи), барабанъ (въ ушахъ, снарядъ, употребляемый въ фабричныхъ производствахъ) дудки! (т. е. „этому не бывать!"), приструнить, посохъ (отъ слова соха), долбня (ученикъ, берущій лишь памятью), кузнечикъ (насѣкомое), точить лясы (балагурить), сплетня, и проч. и проч.

Употребленіемъ тѣхъ или другихъ метаѳоръ главнымъ образомъ характеризуется слогъ писателя, въ нихъ выражается самобытность и духъ языка и посредствомъ ихъ каждый народъ выражаетъ свои, самостоятельно созданные имъ идеалы.

Въ другой группѣ словъ измѣненія значеній ихъ вслѣдствіе субъективныхъ причинъ происходятъ подъ вліяніемъ разнообразныхъ и часто мѣняющихся впечатлѣній отъ идей и фактовъ, проявляющихся въ различное время и въ различныхъ мѣстностяхъ, отъ предметовъ всеобщаго употребленія, отъ домашнихъ животныхъ, общеупотребительныхъ растеній, простѣйшихъ явленій общественнаго строя (напр., родственныхъ отношеній), отъ общераспространенныхъ идей и чувствованій (мышленія, желанія, любви, ненависти, гнѣва, гордости, и проч.)

отъ логическаго соотношенія мыслей, обозначаемаго особыми словами во всѣхъ языкахъ (предлоги, нарѣчія).

Сравнивая метаѳоры языковъ индоевропейскихъ и семитическихъ, мы видимъ, что въ первыхъ такія метаѳоры, переходя съ одного понятія на другое, вполнѣ сливаются съ послѣднимъ, при чемъ первоначальное значеніе ихъ совершенно забывается, тогда какъ въ семитическихъ нарѣчіяхъ метаѳорическія выраженія почти всегда сохраняютъ, болѣе или менѣе прозрачно, слѣды своего первоначальнаго происхожденія. У евреевъ, напримѣръ, всякая отвлеченная идея облекается въ матеріальный образъ, почему и библейскій языкъ, столь живописный и поэтическій, оказывается слабымъ въ выраженіи отвлеченныхъ понятій въ чистой формѣ абстракціи. Семитическій умъ, болѣе упорный и консервативный, прочно сохраняетъ въ себѣ, какъ въ неизмѣнномъ зеркалѣ, отпечатокъ чувственнаго воспріятія; тогда какъ у другихъ народовъ мышленіе, болѣе подвижное, легко освобождается отъ матеріальнаго впечатлѣнія и свободно возвышается до консепціи той или другой идеи.

Въ числѣ примѣровъ подобной абстракціи въ языкахъ арійскаго происхожденія, профессоръ приводитъ, между прочимъ, слѣдующее:

Отъ индо-европейскаго корня dva произведено не только греческое числительное δύω, латинское—duo, французское—deux, русское—*два*, нѣмецк.—zwei, и т. д., но и частицы δυς и δίς означающія ухудшеніе чего-либо (δυς’-ελπις—безнадежный, δυς-μαϑής — кому трудно дается ученіе δύς-πνοῖα—затрудненное дыханіе). Въ этомъ же смыслѣ употребляется эта частица и въ другихъ языкахъ: *дисгармонія*, discordia, difficil, meine Schau sind twei (нѣм. народ.—мои башмаки разорваны), англ.—came u-tvo—сломаться, раздвоиться).

Еще большее число значеній имѣютъ предлоги лат. ad, франц.—à и англ.—to. Въ латинскомъ и англійскомъ въ словахъ этихъ прежде всего и наиболѣе рельефно выступаетъ понятіе о направленіи отъ одного пункта къ другому, какъ въ пространствѣ, такъ и во времени, и этотъ основный характеръ ихъ всегда замѣтенъ и въ переносныхъ формахъ этихъ словъ. Напротивъ, во французскомъ, если первоначальное значеніе

предлога ad и удерживается въ такихъ выраженіяхъ, какъ aller à Paris, то оно совершенно измѣняется въ фразахъ être à (въ) Paris, travailler à (при) la lumière d'une lampe; courir à (изъ) toute force, travailler à la (на) machine, se battre (посредствомъ) à l'épée, и т. д.

Но съ другой стороны, мышленіе народныхъ массъ, склонное къ образамъ и чувственнымъ воспріятіямъ, не всегда руководится представленіями точными и опредѣленными и часто смѣшиваетъ понятія, отличныя одно отъ другаго, и легко увлекается сближеніями смутными и неопредѣленными.

Такъ, англійскія слова grandfather, grandmother послужили основаніемъ къ неправильному образованію словъ grandchild, granddaughter; франц. bru (невѣстка),— нѣмецк. braut (невѣста), латин. avunculus и nepos (дѣдъ и внукъ) франц. oncle et neveu (дядя и племянникъ); русск. *дѣдъ*,—къ образованію слова *дядя*. Франц. слова beau-père, belle-mère, beau-frère, belle-soeure, и т. п. собственно не указываютъ ни на какія опредѣленныя родственныя отношенія и встарину слова beau и belle приставлялись къ словамъ père, mère и т. д. просто для большей любезности. Изъ французскаго прилагательнаго sans pareil (вещь несравнимая) образовалось совершенно невразумительное выраженіе nonpareil.

Названія цвѣтовъ вообще очень сбивчивы и легко переходятъ съ одного цвѣта на другой. Особенною неопредѣленностью отличаются французскія названія gris, bleu, blond, обозначавшія въ средніе вѣка совершенно другіе цвѣта, чѣмъ теперь. И въ настоящее время французскимъ словомъ bleu называется и синій цвѣтъ, и голубой, такъ что для отличія послѣдняго употребляется выраженіе bleu celeste. Древніе греки синій цвѣтъ смѣшивали съ зеленымъ и словами γλαυκόν и κὔυονον безразлично опредѣлялись оба эти цвѣта. Происходитъ ли это только отъ недостаточной точности въ языкѣ, при совершенно опредѣленномъ представленіи въ умѣ различія этихъ цвѣтовъ, или же современные народы путемъ новаго и болѣе глубокаго анализа достигли сознанія разницы въ оттѣнкахъ того и другого цвѣта, остававшейся неизвѣстною древнимъ?

Умственное воздѣйствіе народныхъ массъ замѣчается и въ измѣненіяхъ значеній нѣкоторыхъ техническихъ словъ, проникающихъ въ эти массы изъ всевозможныхъ областей науки, искусства, ремеслъ и, вообще, изъ высшихъ умственныхъ сѳеръ, причемъ слова эти претерпѣваютъ извѣстнаго рода деградаціи и часто, вмѣсто своего прямого болѣе или менѣе серьезнаго содержанія, пріобрѣтаютъ смыслъ шутливый или унизительный. Напримѣръ, у французовъ, человѣка, черезъ-чуръ хитраго въ игрѣ, въ просторѣчіи называютъ *философомъ*; слова espéce, individu употребляются въ смыслѣ весьма оскорбительной брани; словомъ cancan, въ настоящее время означающимъ пресловутый разудалый танецъ, встарину называлось начало оффиціальной латинской рѣчи (отъ латинск. quamquam—хотя этимъ словомъ обыкновенно начиналась такая рѣчь). Не мало подобныхъ искаженій встрѣчается и въ русскомъ народномъ говорѣ: *прокламація*, *исторія*, *комедія*, *идолъ*, *дульцинея*, *философъ* (чудакъ, глупецъ), *чучело*, *дубина* и т. д., изъ которыхъ однѣ являются вслѣдствіе непониманія истиннаго значенія подобныхъ выраженій, а другія, въ смыслѣ умышленной ироніи или брани.

Изъ всѣхъ сдѣланныхъ авторомъ наблюденій, онъ приходитъ къ убѣжденію, что развитіе и строй языка необходимо изучать съ весьма разнообразныхъ точекъ зрѣнія, и хотя эта богатая почва уже значительно разработана любознательностью философовъ и лингвистовъ, но всѣ добытые ими результаты до сихъ поръ остаются изолированными, разобщенными и не сведенными въ одну общую систему, и необходимо было бы приступить къ составленію этимологическаго и историческаго словаря значеній словъ того или другого языка. Къ этому труду, при разработкѣ множества идіомовъ, свойственныхъ цѣлому семейству языковъ, не безъ пользы можно бы присоединить сравнительныя таблицы какъ общихъ языкамъ этого семейства метаѳоръ, такъ и тѣхъ различныхъ формулъ, которыми выражаются въ этихъ языкахъ одни и тѣ же идеи и явленія. Философія, по мнѣнію Дармстетера, должна, не ограничиваясь объектами высшаго порядка, изучать и народную массу въ безсознательномъ развитіи ея инстинктовъ.

Изъ всѣхъ проявленій народнаго духа,—религіи, литературы, искусства, общественныхъ учрежденій, и проч., языкъ есть наиболѣе цѣльное и наиболѣе непосредственное, такъ какъ онъ не подчиняется въ такой степени, какъ остальныя, всемогущему вліянію передовыхъ личностей, оставляющему на нихъ свой отпечатокъ и служитъ выраженіемъ умственнаго склада народнаго и формою, въ которую облекается народная мысль. Историческій словарь какого-либо языка есть рядъ могилъ, въ которыхъ покоятся, вмѣстѣ съ поколѣніями когда-то мысливишихъ людей, и поколѣнія мыслей, выраженныхъ на ихъ языкѣ и тѣ живыя формы, въ которыхъ эти мысли воплощались.

Заканчивая свое обозрѣніе тѣхъ путей, которыми слова зарождаются и входятъ въ составъ языка, Дармстетеръ останавливается на вопросахъ: при какихъ условіяхъ совершаются измѣненія значеній словъ въ языкѣ? Какимъ образомъ эти измѣненія въ него проникаютъ и устанавливаются въ немъ?

По мнѣнію Бреаля, законы, по которымъ происходятъ въ языкѣ измѣненія значеній словъ, не поддаются формулированію; такъ, невозможно подвести подъ какія-либо строго опредѣленныя правила всѣ безчисленно разнообразныя и чрезвычайно сложныя явленія жизни, подъ непрестаннымъ воздѣйствіемъ которыхъ эти измѣненія въ значеніяхъ словъ происходятъ. Невозможно, говоритъ онъ, предвидѣть всѣ вліянія, физическія, соціальныя, интеллектуальныя и проч., являющіяся невидимыми и часто недоступными изслѣдованію наблюдателя факторами въ метаморфозѣ внутренняго содержанія слова. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, явленія, уже существующія въ языкѣ, можно классифицировать въ извѣстномъ порядкѣ и распредѣлять по извѣстнымъ категоріямъ. Въ этомъ отношеніи Бреаль весьма остроумно сравниваетъ семантику отчасти съ метеорологіей, также имѣющей дѣло съ явленіями слишкомъ многочисленными и сложными (хотя, впрочемъ, все-таки менѣе, чѣмъ лингвистика), чтобы можно было, по крайней мѣрѣ, при настоящемъ ея состояніи, подвести ихъ подъ постоянныя и общія правила: возможенъ только подборъ извѣстныхъ наблюденій, приведеніе ихъ въ нѣкоторую систему и лишь примѣрные выводы, что такое-то яв-

леніе повлекло за собой такія-то послѣдствія и т. д. То же мы видимъ и относительно явленій въ области семантики.

Вотъ такими-то именно наблюденіями и ограничиваются изслѣдованія Дармстетера и онъ отвѣчаетъ на поставленные имъ вопросы, между прочимъ, слѣдующее:

Кто-нибудь въ разговорѣ, въ своей устной рѣчи, или писатель въ своемъ сочиненіи, употребляетъ какое-либо новое выраженіе, слово или метаѳору; такой оборотъ или слово нравятся его слушателямъ или читателямъ, распространяются ими далѣе, входятъ въ общее употребленіе и окончательно упрочиваются. Если имъ выражаются прочно установившіяся идеи или чувства, то и сами они дѣлаются постоянными. Но среда, производящая всѣ эти неологизмы словъ и неологизмы ихъ значеній, чрезвычайно разнообразна: великосвѣтское общество, міръ политическій, военное сословіе, ремесленное, сельское и т. д., и т. д. Каждая, болѣе или менѣе обособленная группа людей и ихъ спеціальныхъ занятій представляетъ различные центры неологизмовъ. Изъ нихъ одни появляются, какъ минутная фантазія, подобно цвѣткамъ, распускающимся на одинъ день около долговѣчныхъ деревъ и кустарниковъ; другіе удерживаются, болѣе или менѣе, продолжительное время въ средѣ, которая ихъ произвела, и въ теченіе многихъ лѣтъ и даже вѣковъ остаются въ тѣсныхъ предѣлахъ этой среды и никогда за эти предѣлы не выходятъ; наконецъ, третьи распространяются далѣе, проникаютъ въ болѣе обширныя сѳеры и, при благопріятныхъ условіяхъ, пріобрѣтаютъ право гражданства въ общенародномъ языкѣ и обогащаютъ его собою. Къ послѣднимъ принадлежатъ такіе неологизмы, которые сознаются какъ-то сразу людьми различныхъ слоевъ, и являются какъ бы общимъ продуктомъ множества умовъ. Обыкновенно же, чѣмъ тѣснѣе кругъ, въ которомъ остаются замкнутыми новыя выраженія и слова, тѣмъ менѣе онѣ имѣютъ шансовъ на продолжительное существованіе. Неологизмъ—это растеніе, которому для того чтобы жить, необходимо пускать свои корни въ наивозможно большее число умовъ. Но разъ онъ вошелъ въ общее употребленіе,—онъ уже имѣетъ право гражданства, освящается какъ бы общимъ молчаливымъ соглашеніемъ и его уже невозможно

уничтожить. Но Бреаль находитъ, что новыя слова, въ тѣсномъ смыслѣ, появляются, относительно, рѣдко. Гораздо чаще мы видимъ, что слова, уже существующія въ одномъ значеніи, пріобрѣтаютъ, подъ вліяніемъ разныхъ условій, другое, и въ этомъ именно и заключается главнымъ образомъ обновленіе и расширеніе языка.

Чѣмъ болѣе развивается народъ, тѣмъ болѣе разнообразныя значенія пріобрѣтаютъ слова. Доказываетъ ли это бѣдность языка, или недостатокъ нашей изобрѣтательности? Ни то, ни другое, говоритъ Бреаль, а происходитъ это, по его мнѣнію, отъ того, что съ развитіемъ цивилизаціи во всемъ ея разнообразіи, занятія, отрасли дѣятельности, словомъ, всѣ интересы, изъ которыхъ складывается жизнь обществъ, распредѣляются между различными группами людей: ни складъ ума, ни характеръ дѣятельности священника, солдата, государственнаго человѣка, артиста, купца, земледѣльца, не сходны между собой. Хотя всѣ эти люди и говорятъ на одномъ и томъ же языкѣ своей родины, тѣмъ не менѣе, въ каждой изъ такихъ общественныхъ группъ слова окрашиваются особымъ, свойственнымъ той или другой группѣ колоритомъ. Возьмите, напримѣръ, слово *операція*: у хирурга оно означаетъ одно, на языкѣ военныхъ—другое, у коммерсантовъ—третье, и т. д. Всякая наука, всякое искусство и ремесло налагаютъ свой отпечатокъ на слова нашего разговорнаго языка. Существуетъ такой французско-нѣмецкій словарь, въ которомъ собрано въ одинъ отдѣлъ 234 различныхъ занятій, наукъ и профессій, размѣщенныхъ въ особомъ спискѣ подъ номерами по порядку. Желающій справиться, что означаетъ такое-то слово, весьма легко, по этому списку, можетъ найти, что, напримѣръ, въ анатоміи оно значитъ то-то, въ астрономіи—другое, въ плотничьемъ ремеслѣ—третье, и т. д.

Какъ слѣдуетъ относиться къ неологизмамъ? Должно ли пользоваться ими или отвергать ихъ? Если представляется дѣлать изъ нихъ выборъ, то какого критеріума должно держаться при такомъ выборѣ? Можетъ ли писатель позволять себѣ свободно изобрѣтать неологизмы, не причиняя этимъ ущерба языку?

Въ отвѣтъ на эти вопросы Дармстетеръ приводитъ такую

выдержку изъ прежняго своего сочиненія „Объ образованіи новыхъ словъ во французскомъ языкѣ“:

„Неологизмъ писателя есть созданіе литературное, вполнѣ сознательное, вызываемое эстетическими требованіями и подлежащее критикѣ. Авторъ, употребляющій его въ своемъ изданіи, долженъ умѣть оправдать такое свободное обращеніе съ языкомъ. Иначе говоря, это новое слово должно оказаться дѣйствительно необходимымъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ и служить наиболѣе точнымъ и наиболѣе сильнымъ выраженіемъ данной идеи. Только при такихъ условіяхъ всякій неологизмъ будетъ оправданъ, и даже болѣе,—онъ заслужитъ право на существованіе и упрочится въ языкѣ. Но нельзя того же сказать относительно неологизмовъ народныхъ; послѣдніе остаются независимыми отъ критики и наука можетъ только наблюдать и изслѣдовать ихъ. Эта истина была уже извѣстна и древнимъ, признававшимъ самодержавіе народа по отношенію къ языку, что̀ подтверждается Варрономъ и Платономъ“.

„Всеобщая подача голосовъ существуетъ не во всѣхъ политическихъ обществахъ; но по отношенію къ языку, она имѣетъ мѣсто всегда и всюду. Въ области языка народъ всемогущъ и непогрѣшимъ, потому что и самыя его ошибки, рано или поздно, обращаются въ законъ. Языкъ есть созданіе естественное, а не разсудочное и логическое. Люди, для взаимнаго обмѣна мыслями, инстинктивно прибѣгаютъ къ цѣлой системѣ природныхъ знаковъ, безпрерывно видоизмѣняющихся во времени и пространствѣ, подъ вліяніемъ законовъ физіологическихъ и психологическихъ, и коль скоро наибольшая часть людей понимаетъ другъ друга съ помощью этой системы, послѣдняя признается вполнѣ удовлетворяющею своему назначенію. Вотъ почему даже погрѣшности противъ логики и другія аномаліи въ языкѣ, разъ онѣ приняты всѣми, уже перестаютъ быть аномаліями и становятся законными формами выраженія мысли. Но, съ другой стороны, въ языкѣ, какъ и во всемъ въ жизни, постоянно дѣйствуютъ двѣ противоположныя силы: обновляющая и консервативная, и правильный ходъ его развитія въ томъ и состоитъ, чтобы постепенно подчиняться первой и поддерживать цѣлость своего существованія съ помощью второй. Слишкомъ

быстрыя измѣненія словъ должны сдерживаться языкомъ литературнымъ, которому и должна принадлежать въ этомъ случаѣ роль консервативная, и онъ долженъ сопротивляться принятію народныхъ неологизмовъ до тѣхъ поръ, пока они не сдѣлаются всеобщимъ достояніемъ".

Вмѣсто приводимыхъ Дармстетеромъ примѣровъ изъ французскаго языка, въ подтвержденіе послѣдняго положенія, укажемъ на подобныя же явленія въ нашей русской рѣчи. Напримѣръ, слово *сдается*, въ смыслѣ *кажется*, *думается*, собственно, по образованію своему, логически вовсе не соотвѣтствуетъ этому усвоенному народнымъ говоромъ значенію, и языкъ литературный долго не давалъ у себя мѣста такому именно употребленію этого слова, но это употребленіе до такой степени сдѣлалось всеобщимъ, что въ послѣднее время оно, наконецъ, пріобрѣло право гражданства и въ области литературы. То же самое можно сказать и о выраженіи *„ничего не подѣлаешь"* и о многихъ другихъ.

Затѣмъ, какъ только человѣкъ пріищетъ слово, подходящее для его идеи или чувства, онъ тотчасъ же старается сдѣлать его наиболѣе удобнымъ для себя, и отсюда являются разныя сокращенія словъ, перемѣщенія и измѣненія звуковъ и т. п. Часто часть слова замѣняетъ цѣлое и особенно это встрѣчается въ собственныхъ именахъ и названіяхъ уменьшительныхъ и ласкательныхъ (Леля, Катя, Паша). Конечно, классифицировать такія измѣненія невозможно; но нельзя видѣть въ нихъ и того, что̀ профессоръ Литре́ называетъ *патологіей словъ*, такъ какъ всѣ подобныя измѣненія составляютъ только одинъ изъ признаковъ развитія языка и повседневно встрѣчающееся явленіе.

Слова существуютъ, какъ въ нашемъ умѣ, такъ и въ живой рѣчи, не изолированными одно отъ другого, а въ связи и взаимодѣйствіи между собою, и будучи выразителями нашихъ идей, онѣ, во всевозможныхъ своихъ комбинаціяхъ, отражаютъ дѣятельность нашего мышленія со всѣмъ разнообразіемъ его проявленій.

Съ этой точки зрѣнія, при изученіи словъ, возбуждается новый вопросъ, а именно, о тѣхъ разнообразныхъ вліяніяхъ,

какія слова могутъ имѣть другъ на друга. Дармстетеръ указываетъ на четыре вида такого взаимодѣйствія: замѣну однѣхъ словъ другими, реакцію словъ, борьбу словъ за существованіе и синонимію.

Къ первой категоріи принадлежатъ такія слова, различныя не только по произношенію, но и по смыслу, въ первоначальномъ своемъ значеніи, которыя, будучи употребляемы въ освященныхъ обычаемъ выраженіяхъ, постоянно вмѣстѣ, мало-помалу употребляются одно вмѣсто другого, замѣняютъ другъ друга. Такъ, напримѣръ, во французскомъ языкѣ слова pas и point, aucun и personne и мн. др. Подобные случаи контагіи (замѣны) словъ встрѣчаются и у насъ; напр., *лишь* и *только*; въ древнерусскомъ языкѣ предлоги *для* и *ради* употреблялись одновременно, а теперь мы употребляемъ либо тотъ, либо другой изъ нихъ отдѣльно. Сюда же можно отнести обширную группу словъ составныхъ, соединенныхъ между собой путемъ сближенія: жандармъ, пьедесталъ, пѣшеходъ, трубочистъ, и т. п.

Слова могутъ реагировать одно на другое, независимо отъ употребленія ихъ въ тѣхъ или другихъ выраженіяхъ. Случается, что онѣ, какъ бы рикошетомъ перебрасываютъ на какое либо другое понятіе, собственно имъ принадлежащее значеніе. Напримѣръ, у французовъ les perles orientales означаетъ восточный жемчугъ, славящійся своей красотой; отсюда выраженіе perle orientale, равнозначущее съ выраженіемъ perle brillante. Такимъ образомъ, слово oriental принимаетъ значеніе слова brillant и по аналогіи получается выраженіе orient d'une perle, для обозначенія игры и свѣтовыхъ переливовъ въ жемчугѣ. Въ первое время открытія Америки ее называли Западной Индіей, въ отличіе отъ настоящей Индіи, и съ тѣхъ поръ послѣдняя, въ противоположность первой, стала называться Восточной Индіей. Подобно французскому эпитету, употребляемому относительно жемчуга, то же мы видимъ и въ нашемъ языкѣ относительно брилліантовъ: одинъ изъ главныхъ характеристическихъ признаковъ чистой воды—ея прозрачность и способность отражать свѣтовые лучи, далъ поводъ выраженію: *брилліантъ чистѣйшей*

воды. Слово bouquet (bosquet), собственно, означаетъ маленькій лѣсъ, собраніе деревьевъ, и затѣмъ, это же слово стало обозначать и собранные въ извѣстной формѣ цвѣты.

Языкъ, какъ живой организмъ, постоянно растетъ и развивается. Нарождаются новыя слова, выраженія и обороты и вытѣсняютъ старые, которые, однако, исчезаютъ не вдругъ. Онѣ болѣе или менѣе продолжительное время остаются и живутъ въ языкѣ вмѣстѣ съ новыми, сначала совершенно равноправными съ ними, и затѣмъ лишь мало-по-малу уступаютъ мѣсто новымъ, какъ старѣющее поколѣніе очищаетъ поле дѣятельности своему юному потомству. Первоначальное обширное значеніе такого дряхлѣющаго слова постепенно съуживается, но оно еще живетъ, и то тамъ, то здѣсь проявляетъ еще свою силу. Это и есть борьба за существованіе.

Идея необходимости, напримѣръ, въ настоящее время выражается во французскомъ языкѣ словомъ falloir, въ старину въ этомъ же смыслѣ употреблялись слова convenir и estovoir. Convenir обозначало прежде необходимость нравственную, а также—и необходимость абсолютную (это послѣднее значеніе впослѣдствіи утратилось); il lui convint mourir (онъ долженъ умереть) говорилось на старо-французскомъ языкѣ относительно больного или раненаго. Estovoir употреблялось исключительно въ смыслѣ необходимости абсолютной. Словомъ falloir выражалось встарину то же, что теперь выражается словомъ manquer (не доставать) и изъ представленія объ отсутствіи, недостаткѣ, это слово falloir легко завоевало себѣ значеніе надобности, нужды; выраженіе—l'argent lui faut, т.-е. у него недостаетъ (lui manque) денегъ, употребляется въ смыслѣ l'argent lui fait besoin, lui est nécessaire, т.-е. деньги ему нужны, необходимы. Подобныя же смѣшенія значеній мы видимъ въ словахъ: en, dedans и dans и во многихъ другихъ. То же самое замѣчается и въ русскомъ языкѣ, какъ и вообще во всякомъ другомъ: *въ*, *внутри*, *нужно*, *надобно*, *должно*, *слѣдуетъ*, *довлѣетъ*, *надлежитъ*, *жена*, *женщина*, *мужъ*, *мужчина*, *дѣва*, *дѣвушка*, *дѣвица* и проч. и проч.

Въ этой борьбѣ за существованіе словъ, близко соприкасающихся между собою и, такъ сказать, оспаривающихъ одно у

другого присущее имъ значеніе, выдѣляется весьма значительная группа, представляющая слова съ одинаковыми значеніями, т. е. такъ называемую *синонимію.* Такое явленіе, какъ употребленіе нѣсколькихъ различныхъ словъ въ одномъ и томъ же значеніи, съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ; но стоитъ лишь вникнуть поглубже въ сущность этого явленія, чтобы убѣдиться, что въ строго выработанномъ языкѣ полныхъ синонимовъ не существуетъ. Каждое изъ употребляемыхъ въ языкѣ словъ, какъ бы близко онѣ ни подходили одно къ другому по своему значенію, въ то же время имѣетъ свою особую функцію. Въ самомъ дѣлѣ, во французскомъ, напримѣръ, языкѣ существуетъ множество различныхъ словъ, обозначающихъ одинъ и тотъ же предметъ; одно и то же растеніе, орудіе, промышленный продуктъ и тому подобные предметы называются пятью, шестью, восемью различными именами; но то или другое изъ этихъ именъ присваивается имъ смотря по извѣстной мѣстности или по извѣстной области той или другой профессіи, къ которымъ эти предметы относятся, и каждая отдѣльная группа людей называетъ ихъ какимъ-либо однимъ изъ этихъ именъ. Затѣмъ, каждое изъ этихъ названій указываетъ на различные характеристическіе признаки предмета, по которымъ онъ названъ такъ или иначе. Наконецъ, широкое распространеніе научной терминологіи въ обыкновенномъ разговорномъ языкѣ также не мало способствовало увеличенію числа синонимовъ, но уже и изъ того, что одинъ изъ такихъ синонимовъ принадлежитъ къ языку популярному, тогда какъ другіе—дидактическому, ясно видно различіе въ ихъ оттѣнкахъ, или, по крайней мѣрѣ, въ употребленіи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ только въ обыкновенномъ разговорномъ языкѣ являются два синонима, тотчасъ же одинъ изъ нихъ дѣлается мало употребительнымъ, такъ какъ онъ является лишь безполезнымъ бременемъ.

По своему происхожденію, синонимы бываютъ трехъ видовъ:

1. Одно и то же слово, вслѣдствіе различныхъ случайностей при его образованіи, принимаетъ двѣ разныя формы.

2. Одно и то же слово измѣняется или по своей внѣшней формѣ, посредствомъ префиксовъ и суффиксовъ, или же—по различнымъ оборотамъ его синтаксическаго употребленія.

3. Слова, не одинаковыя и по происхожденію, и по значенію, при позднѣйшемъ развитіи языка перекрещиваются между собою, и затѣмъ, безразлично обозначаютъ одно и то же понятіе.

Къ первой категоріи принадлежитъ обширная группа словъ, называемыхъ дублетами. Напримѣръ, глаголъ plier въ древне-французскомъ языкѣ спрягался такъ: je plie, tu plies, il plie, nous ployons, vous ployez, ils plient, такъ что въ однѣхъ формахъ этого слова мы видимъ корень pli, а въ другихъ— ploy, тоже самое замѣчается и въ глаголахъ: prier, nier, и въ концѣ среднихъ вѣковъ изъ этихъ формъ образовались различныя формы глаголовъ съ одинаковымъ значеніемъ: plier и ployer, prier и proyer, nier и noyer. Латинское cathedra перешло во французское chaire. Въ 16-мъ вѣкѣ парижане измѣнили это слово въ chaise; но обѣ эти формы оставались въ языкѣ сначала совершенно равнозначащими, впослѣдствіи же первоначальное латинское значеніе сохранилось въ словѣ chaire, тогда какъ позднѣйшая форма chaise получила свое народное значеніе. Слова col и cou,—суть дублеты латинскаго слова collum (шея). Въ позднѣйшее время, вмѣсто того, чтобы одно изъ этихъ словъ, какъ лишнее, вывести изъ употребленія, стали употреблять слово cou въ смыслѣ *шея*, а col—въ смыслѣ *воротникъ*. Подобные же примѣры встрѣчаются и въ русскомъ языкѣ: *идти, шелъ, ходилъ, шествіе, ходъ, хожденіе, кликать кричать, кликъ, крикъ*.

Сюда же относится много дубликатовъ, изъ которыхъ одни представляютъ словообразованіе научное, а другіе—популярное, напр.,

sécurité (отъ латинск. securitas) и sûreté
fragile „ „ fragilis и frêle
rigide „ „ rigidus и raide
русск. *грань* — *граница*
степень — *ступень*
мускулъ — *мышца*
эмоція — *моціонъ* и мн. др.

Особенно обширна вторая группа синонимовъ, образующихся вслѣдствіе тѣхъ или другихъ приставокъ или различной син-

таксической конструкціи: а) porter, apporter, prononcer, énoncer, courber, recourber; б) attaquer quelqu'un, s'attaquer à quelqu'un; apercevoir une chose, s'apercevoir d'une chose, forcer à faire, forcer de faire и проч. а) *отнести и снести*; *прочесть и прочитать*; *разрубить и перерубить обрубокъ и отрубокъ*; *юнецъ и юноша*; *дѣвица и дѣвушка*; б) *радовать кого-либо и причинять кому-либо радость*; *повредить и сдѣлать вредъ*; *онъ подвергся операціи, ему сдѣлали операцію* и т. д. Эти послѣдніе примѣры, впрочемъ, представляютъ не синонимы въ тѣсномъ смыслѣ, а лишь синонимическіе обороты рѣчи.

Третью группу составляютъ слова, по преимуществу называемыя синонимами. Такія слова различны и по своему этимологическому образованію, и по первоначальному значенію; съ теченіемъ времени, смѣшиваютъ эти значенія одно съ другимъ, и, вслѣдствіе этого, безразлично выражаютъ то или другое понятіе. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, ими всегда опредѣляется какое-либо спеціальное свойство предмета или какого-либо представленія, и какой-либо характеристическій оттѣнокъ, коренящійся въ первоначальномъ значеніи одного слова.

Примѣровъ подобныхъ синонимовъ чрезвычайно много въ каждомъ языкѣ, и чѣмъ богаче языкъ, тѣмъ ихъ больше. Относительно французскаго языка Дармстетеръ приводитъ, между прочимъ, слѣдующіе: demeurer, loger; assurer, affirmer; courage, bravoure; orgueilleux, altier, hautain, superbe; insolent, impudent; adversité, malheur, infortune.

Loger происходитъ отъ слова loge и означаетъ, собственно, occuper un logement (занимать квартиру). Такимъ образомъ, этимъ словомъ выражается лишь представленіе о занятіи какого-либо мѣста, безъ всякаго отношенія къ представленію о времени или о большей или меньшей продолжительности.

Первоначальное значеніе слова demeurer—запоздать въ дорогѣ, и затѣмъ, въ распространительномъ смыслѣ, — продолжительно дѣлать что-либо; и именно въ такомъ смыслѣ употребляется это слово въ выраженіи: il n'y a pas de peril

en la demeure (русское—тише ѣдешь, дальше будешь). Отсюда это слово употребляется въ двухъ значеніяхъ: 1) остановиться на извѣстное время въ мѣстѣ своего нахожденія. Здѣсь господствующее представленіе есть представленіе о временной остановкѣ и фигурально, въ этомъ именно смыслѣ, говорится: demeurer ferme dans son devoir (оставаться твердымъ въ своихъ обязанностяхъ); 2) водвориться на болѣе или менѣе продолжительное время въ занимаемомъ помѣщеніи: demeurer dans une maison (жить въ домѣ).

Изъ этого анализа слова demeurer явствуетъ, что главный характеристическій его признакъ есть представленіе объ устойчивости.

Возьмемъ еще синонимы: mener, conduire, guider. Conduire—вести вмѣстѣ съ собою по опредѣленному направленію, conduire un enfant à l'école (провожать ребенка въ школу). Слово это происходитъ отъ латинскаго conducere (cum—съ, съ собой, и ducere—вести).

Mener—заставлять кого-либо идти съ собою: mener les bêtes au champs (гнать скотъ въ поле). Здѣсь преобладаетъ идея безсознательнаго пассивнаго движенія. L'aveugle conduit le chien, qui le mene (слѣпой слѣдуетъ за собакой, которая его ведетъ).

Guider—вести, указывая ведомому дорогу, которой онъ не знаетъ, отъ итальянскаго guidare, имѣющаго то же значеніе. Характеристическимъ признакомъ этого глагола служитъ неизвѣстность, незнаніе.

Въ русскомъ языкѣ, какъ и во всякомъ другомъ, мы видимъ то же самое.

Изъ множества синонимовъ послѣдней категоріи, приведемъ нѣсколько наиболѣе характерныхъ: *горе*, *бѣда*, *несчастіе*; *храбрый*, *отважный*, *мужественный*, *смѣлый*; *два*, *двойка*, *пара*, *двое оба*; *гнать*, *преслѣдовать*; *вести*, *провожать*; *строить*, *созидать*; *бранить*, *ругать*, *поносить*, *обижать*, *оскорблять*; *въ*, *внутри*; *для*, *ради*; *скверно*, *гадко*, *худо*, *мерзко*; *занимательно*, *интересно*; *кабы*, *еслибы*, *чтобы*, *дабы*, и т. д.

И точно также, какъ мы видѣли выше, во французскихъ синонимахъ, и въ большинствѣ только что приведенныхъ при-

мѣровъ заключаются въ каждомъ свои особые оттѣнки. Такъ, слова горе, бѣда и несчастіе означаютъ какое-либо бѣдственное обстоятельство или происшествіе; но въ первомъ изъ нихъ господствующею идеею будетъ представленіе о тяжеломъ, крайне непріятномъ (*горькомъ*) внутреннемъ чувствѣ, возбуждаемомъ такимъ обстоятельствомъ; *бѣда*—самое это обстоятельство, извнѣ приходящее (придетъ бѣда—растворяй ворота); *несчастіе*—поставленіе человѣка такимъ обстоятельствомъ въ крайне невыгодное, бѣдственное положеніе (понятіе объ отсутствіи при немъ необходимой для его благоденствія *части—не* (есть)—*с* (ъ)—*частію*. *Гнать*—заставлять идти противъ воли, *преслѣдовать*—заставлять убѣгать и въ то же время гнаться за убѣгающимъ, по его слѣдамъ. Слово *ругать* выражаетъ то-же, что и *бранить*; но первое изъ нихъ сильнѣе и вульгарнѣе второго. Въ выраженіяхъ: *въ столѣ* и *внутри стола*, слова *въ* и *внутри* будутъ синонимами; но во многихъ случаяхъ предлогъ *въ* употребляется въ своемъ спеціальномъ значеніи; напр., *этого сдѣлать не въ силахъ*; *онъ уродился въ отца*; *этого и въ годъ не передѣлаешь* и т. д.

Какъ слова умираютъ.

Слова исчезаютъ, выходя изъ употребленія въ живомъ языкѣ. Какимъ образомъ и вслѣдствіе какихъ причинъ это происходитъ?

Говоря о появленіи словъ, Дармстетеръ указываетъ на двѣ обширныя группы явленій: 1) языкъ создаетъ новыя слова и новыя ихъ значенія, для опредѣленія новыхъ предметовъ и понятій, и 2) онъ придаетъ однимъ словамъ новыя значенія, для замѣны этими словами другихъ, которыя уже не выражаютъ даннаго понятія.

Точно также и при исчезновеніи словъ, слѣдуетъ различать такія изъ нихъ, которыя упраздняются вслѣдствіе того, что ими обозначаются понятія, уже болѣе не существующія, отъ словъ, уступающихъ свое мѣсто другимъ для опредѣленія понятій сохраняющихся. Въ первомъ случаѣ происходитъ утрата и выраженія и самого явленія имъ выражавшагося; во второмъ—только перемѣна въ названіи понятія остающагося.

Слова, выходящія изъ употребленія вмѣстѣ съ предметами

ими обозначаемыми, исчезаютъ вслѣдствіе причинъ историческихъ, почему и ихъ самихъ можно назвать словами историческими. Такъ, напримѣръ, много исчезло словъ изъ терминологіи среднихъ вѣковъ, обозначавшихъ названія предметовъ (оружія, инструментовъ, монетъ, одѣяній, учрежденій, различныхъ общественныхъ явленій и идей феодальной системы, права, науки, воспитанія, игръ, и проч.), кончившихъ свое бытіе вмѣстѣ со средними вѣками, и всѣ подобныя слова могутъ быть вызваны на свѣтъ Божій лишь съ помощью изслѣдованій историческихъ. Науки, розыскивая документы древняго міра, находятъ названія канувшихъ въ вѣчность явленій и понятій. Спеціальные словари собираютъ и группируютъ эти названія, а чтеніе и дальнѣйшее развитіе историческихъ наукъ вводитъ ихъ въ тѣсный кругъ ученыхъ спеціалистовъ, а затѣмъ и вообще людей образованныхъ. Такимъ образомъ, наукою они вызываются къ новой, но уже искусственной жизни. Вслѣдствіе этого, во 1-хъ, множество названій предметовъ и понятій давно уже отжившихъ, исчезло-бы безвозвратно, если-бы онѣ не сохранились въ письменныхъ документахъ. Изъ всего того, что̀ добывается учеными изслѣдованіями, весьма многое, по необходимости, обозначается вновь изобрѣтаемыми названіями, вслѣдствіе окончательной невозможности доискиваться первоначальнаго, но теперь безслѣдно исчезнувшаго имени того или другого предмета или понятія, и во 2-хъ, въ такихъ документахъ встрѣчаются названія предметовъ, но значеніе послѣднихъ остается неизвѣстнымъ, и ученымъ остается только констатировать существованіе такихъ словъ. Мы можемъ, напр., добиться, что такимъ-то словомъ называлось оружіе, но какое именно, остается неизвѣстнымъ. Вотъ поэтому-то въ нѣкоторыхъ письменныхъ памятникахъ древности и встрѣчаются темныя, не поддающіяся никакому разъясненію мѣста.

Слова, не въ смыслѣ какихъ-либо спеціальныхъ терминовъ, а выражающія общераспространенныя понятія, исчезаютъ не вдругъ, но постепенно. Мало-по-малу люди перестаютъ связывать съ ними извѣстное представленіе; смыслъ ихъ все болѣе и болѣе ослабляется и, съ окончательнымъ исчезновеніемъ послѣдняго, исчезаетъ и самое слово. Разъ оно ничего не гово-

ритъ нашему уму, языкъ выбрасываетъ его, какъ безполезное бремя, какъ сосудъ безъ содержанія. Такимъ образомъ, сначала происходитъ истощеніе слова, а потомъ—и самая смерть.

Въ состояніи-же своей полной жизненной силы, слово развивается и пріобрѣтаетъ новыя значенія, нисколько не утрачивая своего первоначальнаго достоинства, напр., arbre—рядомъ со своимъ кореннымъ значеніемъ, принимаетъ новыя: arbre de couche, arbre génealogique.—Corps—corps de gard, corps de pompe, corps de bâtiment.—Eclat,—первоначальное и нынѣшнее значеніе этого слова,—*осколки, летящіе отъ раскалываемаго или разбиваемаго предмета*. Съ XV вѣка оно употребляется *въ смыслѣ внезапнаго шума, поражающаго слухъ*; а съ XVII-го—и въ значеніи яркаго свѣта, блеска, поражающаго зрѣніе. Совершенно аналогичные этимъ примѣры мы видимъ и во многихъ русскихъ словахъ: *древо, взрывъ, глава* и проч. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ слова представляются намъ, такъ сказать, въ полномъ своемъ расцвѣтѣ, широко распускающими свои развѣтвленія и нимало не утрачивающими своей природной силы. Но существуютъ и такія слова, увяданіе которыхъ уже началось: пріобрѣтая новое значеніе, онѣ утрачиваютъ первоначальное. Примѣры:

Arriver	означало	Venir à la rive,	а теперь только	Venir.
Accoucher	„	aliter	„	enfanter.
Chapeau	„	guirlande	„	couvre-chef
Charme	„	incantation	„	attrait
Chétif	„	prisonnier	„	faible de corps
Cornichon	„	petite corne	„	petit concombre
Finance	„	terminaison	„	argent employé
	„	d'une affaire	„	dans les affaires

Хотя въ русскомъ языкѣ, какъ болѣе молодомъ, такихъ увядающихъ словъ и менѣе, но и въ немъ ихъ существуетъ не мало:

Позорище прежде означало всякое зрѣлище, а теперь только зрѣлище чего-либо постыднаго.

Вертепъ—прежде садъ, теперь—убѣжище, мѣстонахожденіе чего-либо преступнаго, или безнравственнаго.

Палата—всякая большая роскошная комната; а теперь—извѣстное присутственное мѣсто.

Фискалъ—надзиратель за государственными доходами; а теперь—жалобщикъ, доносчикъ.

Хоругвъ—всякое знамя, теперь—исключительно церковное знамя.

Тьма—множество; теперь—потемки.

Ябеда—жалоба, приносящаяся въ судъ, въ современномъ языкѣ—несправедливый ложный извѣтъ.

Множество словъ исчезло совершенно. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только, говоритъ Дармстетеръ, заглянуть въ письменные памятники XVI вѣка, и если теперь заняться изслѣдованіемъ древне-французской рѣчи, то можно было-бы поднять цѣлый несуществующій нынѣ языкъ изъ его усыпальницъ.

Въ настоящее время во Франціи издается словарь такого языка, заключающій въ себѣ исключительно слова, совершенно исчезнувшія изъ обращенія, и это изданіе будетъ состоять изъ 8-ми, даже 10-ти томовъ въ форматѣ большой четверти листа.

Причины разрушенія словъ заключаются въ слѣдующемъ: нѣкоторыя слова носятъ сами въ себѣ зачатки смерти, и въ такихъ случаяхъ, живая рѣчь, такъ или иначе замѣняетъ ихъ новыми, иныя-же вытѣсняются другими, болѣе удачными словами, присваивающими ихъ значеніе и такимъ образомъ уничтожающими ихъ.

Къ первой категоріи относятся прежде всего слова слишкомъ краткія, слишкомъ слабыя въ звуковомъ отношеніи, которыя должны были подчиниться силѣ фонетическихъ требованій. Напр., латинскія слова: suem, luem, reum, ire и мн. др., которыя во французскомъ должны были-бы превратиться въ son, lon, rié, ir, исчезли и уступили мѣсто синонимамъ, болѣе звучнымъ, болѣе полнымъ и болѣе твердаго состава.

Съ другой стороны, омонимы оказали весьма сильное воздѣйствіе на уничтоженіе словъ, такъ какъ выраженіе менѣе употребительное должно было стушеваться передъ омонимомъ болѣе извѣстнымъ. Такъ напр.

Изъ лат.	plagu	франц. plage,	образовалось	plaie
„	amnem, annum.		„	an
„	talum	„ talon	„	tel
„	gramen, granum.	gazon	„	grain
„	habena	„ avena	„	avoine

Вмѣсто словъ:	выя	явилось русск.	шея
„	тылъ	„	затылокъ
„	ити	„	идти
„	бѣ	„	былъ
старин.	урекать	„	упрекать
„	вотще	„	тщетно
„	биться	„	сражаться, драться и мн. др.

Нѣкоторыя слова сами собою выходятъ изъ обиходнаго употребленія вслѣдствіе ихъ исключительнаго, высокаго, священнаго значенія, или, наоборотъ,—слишкомъ низменнаго; напр. латинское urbs значило городъ, но по преимуществу присваивалось городу Риму и только къ нему и относилось и, съ исчезновеніемъ Вѣчнаго Города, исчезло и это слово urbs, а вмѣсто него вошло во всеобщее употребленіе слово civitas, изъ котораго впослѣдствіи образовалось французское cité; но и это слово въ эпоху Меровинговъ замѣнилось словомъ villa,— новѣйшее—ville. Греч. λόγος и славянское слово означало лишь Слово Божіе и потому нашими предками, въ смыслѣ обыденнаго разговора, замѣнялось выраженіемъ: реченіе. И у французовъ verbe также имѣло священное значеніе и въ вульгарномъ языкѣ замѣнено словомъ parole, а такъ какъ это послѣднее образовалось изъ лат. parabola, означавшее сентенціи, мысли, заимствованныя изъ Евангелія, то для всеобщаго употребленія явилось mot.

Перейдемъ теперь къ примѣрамъ противуположнаго свойства. Потребность въ смягченіи слишкомъ рѣзкихъ выраженій также представляетъ могущественную силу въ дѣлѣ упраздненія словъ. Эта потребность заключается въ стремленіи замѣнить какое-либо слово, выражающее какое-либо представленіе, само по себѣ грубое и непріятное, какимъ-нибудь другимъ словомъ, болѣе чистымъ, которое по какимъ-либо признакамъ

достаточно однакоже указываетъ на то настоящее слово, котораго умышленно избѣгаютъ. Но, по неизбѣжному порядку вещей, это новое слово постепенно проникается само специфическимъ характеромъ облагораживаемаго имъ представленія и, въ свою очередь, становится грубымъ или грязнымъ, и тогда пріискиваютъ новое болѣе приличное выраженіе, претерпѣвающее, съ теченіемъ времени, такое же загрязненіе и т. д. Напр. у французовъ слово garce означало женскій родъ слова garçon. Съ теченіемъ времени, когда этимъ словомъ garce стали называть дѣвушку развратнаго поведенія, для обозначенія понятія о дѣвицѣ вообще стали употреблять слово fille. Но впослѣдствіи и это оказалось недостаточнымъ, въ виду необходимости отличить дѣвицу высшихъ классовъ отъ простолюдинки, и вотъ явилось слово demoiselle. Въ нашемъ книжномъ и разговорномъ языкѣ примѣровъ подобныхъ смягченій словъ и выраженій такъ много, что нѣтъ надобности и приводить ихъ.

Нѣкоторыя слова исчезаютъ изъ языка по причинамъ, объяснить которыя, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время, не представляется возможнымъ. Напр., abrier, отъ котораго произведено слово abri, почти совсѣмъ вышло изъ употребленія; вмѣсто него говорится mettre à l'abri и только съ 17-го вѣка явился современный глаголъ abriter. Слово bruir исчезло въ теченіе 16-го и 17-го вѣковъ и замѣнилось неуклюжей фразой faire du bruit. Dextre и senistre по непонятнымъ причинамъ замѣнены описательными выраженіями: la main gauche и la main droite. Глаголъ douloir въ 16-мъ вѣкѣ замѣненъ словами se plaindre, souffrir, вовсе не выражающими точнаго его смысла.

Не мало подобныхъ-же примѣровъ найдется и въ нашемъ современномъ языкѣ: *чаровать*—производить чары, колдовать; шуйца и десница; *обонполъ*—по ту сторону какого-либо мѣста;—*обоямо*—съ обѣихъ сторонъ, и т. д.

Иногда какое—либо новое слово входитъ по какимъ-нибудь специальнымъ причинамъ въ общее употребленіе и замѣняетъ собою прежнее, которое, само по себѣ, имѣетъ полное право на самостоятельное существованіе: напр., на всемірной вы-

ставкѣ въ 1878 г. въ Парижѣ былъ оффиціально принятъ терминъ ticket, вмѣсто прекраснаго и чисто французскаго слова billet. И вотъ, ticket распространилось въ обращеніи и, можетъ быть, современемъ совершенно вытѣснитъ слово billet. Выраженіемъ stopper, также иностраннаго происхожденія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣняется глаголъ arrêter, по отношенію, напр., къ остановкѣ желѣзнодорожнаго поѣзда, какого-либо судна, и даже сухопутнаго экипажа. Восклицаніе *„стопъ!"* въ подобныхъ-же случаяхъ употребляется и у насъ. Вліяніе книжнаго и научнаго языка въ такихъ случаяхъ оказывается весьма сильнымъ, такъ какъ очень у многихъ вообще замѣчается большая наклонность замѣнять природныя слова и выраженія своего языка иностранными и научными. Такъ, у французовъ въ настоящее время безпрестанно встрѣчаются вмѣсто: étrangler—strangaler; troubler—perturber; franchir—liberer; meuble—mobile и т. д. Такія искаженія языка, какъ считающіяся за особое облагороженіе и украшеніе слога, составляютъ особую слабость русскихъ въ особенности. Стоитъ прислушаться къ рѣчи почти каждаго русскаго, мало-мальски претендующаго на образованность, или взглянуть на любой листъ русской газеты, чтобы убѣдиться, до какой печальной пестроты доходитъ искаженіе родного языка иностранными и научными словами. Но еще грустнѣе, что и нисшіе классы, изъ стремленія щегольнуть яко-бы образованностью, безпрестанно вставляютъ въ свою рѣчь подобныя слова и выраженія, и, не понимая истиннаго ихъ значенія, дѣлаютъ это безъ всякаго смысла и толка, какъ говорится, ни къ селу, ни къ городу.

И такъ, люди, находя новое, болѣе подходящее выраженіе какой-либо идеи, мало по малу, оставляютъ прежнее ея опредѣленіе. Слѣдующей генераціи это прежнее слово будетъ еще болѣе чуждо, и съ теченіемъ времени, оно останется извѣстнымъ только старикамъ, которые скоро затѣмъ и окончательно унесутъ его съ собою въ могилу.

Такимъ образомъ исчезаютъ съ лица земли цѣлые языки. Напримѣръ, корническій діалектъ бретонцевъ, процвѣтавшій нѣкогда въ Корнваллиссѣ, исчезъ вмѣстѣ съ послѣднею, го-

ворившею на немъ женщиною, около 1821 года. Но если мы представимъ себѣ такое-же вымираніе и общенароднаго говора, при чемъ только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ почему-либо сохраняются его остатки, то эти послѣдніе и будутъ тѣмъ, что извѣстно въ лингвистикѣ подъ именемъ архаизмовъ. Вслѣдствіе такого процесса, въ языкѣ встрѣчаются во всѣ времена слова устарѣлыя, неизвѣстныя новому поколѣнію и почти никѣмъ не употребляемыя, кромѣ стариковъ, и ихъ называютъ архаическими. Если какой-либо литераторъ или художникъ не возродятъ ихъ въ своихъ твореніяхъ къ новой жизни, онѣ погибаютъ окончательно.

„Multa renascentur quae jam cecidere cadentque. Quae nunc sunt in honora vocabula, si volet, usus...“ т. е. „Много исчезнувшихъ словъ воскресаетъ и много, по волѣ обычая, гибнетъ при полномъ расцвѣтѣ...“

Вторая часть этого изреченія особенно справедлива, такъ какъ въ исторіи языковъ мы видимъ безпрестанную замѣну прежнихъ словъ новыми, болѣе или менѣе, удачными. Но примѣры возрожденія угасшихъ словъ, о которомъ говоритъ Горацій, встрѣчаются гораздо рѣже, и вмѣсто multa (многія) было-бы справедливѣе сказать pauca (не многія), потому что подобное возрожденіе вполнѣ искусственно. Такія архаическія слова попадаются лишь въ ученыхъ книгахъ и трактатахъ, и если ихъ и употребляютъ въ разговорномъ языкѣ, то, по большей части, лишь ради шутки (*Сооруди-ка мнѣ бутербродъ.—Ну что скажешь, велій мужъ?—Притекохъ и азъ многогрѣшный* и т. д.). Въ словахъ, какъ и между людьми, мертвые не воскресаютъ.

Но существуютъ и такіе архаизмы, которые остаются въ языкѣ въ видѣ признаковъ или остатковъ прежней его формаціи. Часто въ выраженіяхъ, наиболѣе распространенныхъ, мы употребляемъ звуки, слова и обороты, происхожденіе коихъ объясняется общими лингвистическими явленіями и законами, теперь уже исчезнувшими, и только остались эти слова и обороты, какъ ихъ послѣдніе живые свидѣтели. Напр., французскій предлогъ en въ современномъ языкѣ есть синонимъ предлога dans, съ тѣмъ лишь отличіемъ, что первый

употребляется въ менѣе опредѣленномъ смыслѣ, être en France, aller en Italie, être en danger. Но чѣмъ объясняется употребленіе этого-же предлога въ такихъ выраженіяхъ, какъ: Jésus est mort en croix?—Portrait en pied?—Casque en tête? Заглянувъ въ письменные памятники среднихъ вѣковъ, мы увидимъ, что en употреблялось тогда и въ значеніи sur (на), заимствованномъ отъ латинскаго языка, когда говорилось, напр. seoir en cheval (сѣсть на лошадь) какъ и по латыни sedere in equo. Coucher (отъ лат. collocare—помѣщать) сохранило свое первоначальное значеніе въ единственномъ выраженіи coucher par écrit—изложить что-либо на бумагѣ. Potage теперь означаетъ *супъ*, но какимъ же образомъ явилось выраженіе: pour tout potage, въ смыслѣ *всего на все, только всего?* Дѣло въ томъ, что первоначально это слово означало то же, что potager (огородъ, вся совокупность зелени) и pot-au-feu (весь обѣдъ), что и послужило поводомъ къ употребленію въ фигуральномъ смыслѣ приведеннаго выраженія.

Архаизмы такого-же рода въ изобиліи встрѣчаются и въ современномъ русскомъ языкѣ, наибольшая часть которыхъ ведетъ свое начало отъ своихъ коренныхъ родоначальниковъ, языковъ славянскаго и древнерусскаго; но, въ видѣ исключенія, встрѣчаются и архаизмы происхожденія византійскаго, татарскаго, еврейскаго, латинскаго и другихъ языковъ, имѣвшихъ болѣе или менѣе сильное вліяніе на историческое развитіе нашей рѣчи. Напримѣръ, слово *законъ* происходитъ отъ древняго слова *конъ*, означавшаго край, предѣлъ, отъ чего съ приставкою *за* и образовалось названіе какого-либо правила, за предѣлы коего переступать нельзя. Слово *волшебникъ* есть не что иное, какъ видоизмѣненное *волхвъ*, хотя въ настоящее время оно употребляется уже въ сильно измѣненномъ значеніи. Выраженіе *уголовный* теперь мы употребляемъ вообще для означенія какого-либо важнаго преступленія, влекущаго за собой болѣе или менѣе строгое наказаніе, и также называемъ этимъ именемъ и самыя наказанія, законы, судопроизводство и проч., относящееся къ этому роду преступленій. Названіе это, очевидно, заимствовано отъ слова *голова*, вслѣдствіе того, что въ прежнее время винов-

ные въ тяжкихъ преступленіяхъ расплачивались за нихъ головою, т. е. жизнію. Слово *челобитная* осталось въ настоящее время у насъ лишь въ шутливой формѣ выраженія, но еще не такъ давно такъ называлось всякое прошеніе, всякое ходатайство у высшихъ и вообще у правительственныхъ учрежденій и лицъ, и давшее ему начало выраженіе *бить челомъ*, т. е. просить, прямо указывало на древній обычай просителей кланяться до земли передъ тѣмъ, кого они просили. Татарскаго происхожденія, но еще въ недавнее время сильно распространенное у насъ слово *холопъ*,—теперь, слава Богу, въ прежнемъ его значеніи, исчезло окончательно, и выраженія *холопъ, холопствовать* остались въ языкѣ лишь въ смыслѣ самоуниженія передъ кѣмъ-либо своего личнаго достоинства. Безпрестанно обращающіяся у насъ архаическія фразы: „*какъ жертва на закланіе*", „*служить козломъ отпущенія*" напоминаютъ намъ сѣдую древность, когда приносились въ жертву люди и животныя для умилостливленія боговъ и ради отпущенія прегрѣшеній.

«Всѣ эти примѣры, говоритъ Дармстетеръ, которыхъ можно было-бы привести еще гораздо болѣе, вполнѣ достаточно указываютъ, на сколько нашъ современный языкъ сохраняетъ въ себѣ остатковъ отъ временъ минувшихъ. Такіе остатки можно сравнить съ ископаемыми, потому что нашъ живой языкъ, со своими законами образованія и построенія, не можетъ дать отчета въ ихъ существованіи, но тѣмъ не менѣе, эти ископаемые живы, такъ какъ они имѣютъ свои собственныя функціи и свое спеціальное употребленіе.

Это постоянное сохраненіе слѣдовъ прежнихъ организмовъ въ нынѣ живущемъ лингвистическомъ тѣлѣ неотразимо приводитъ къ аналогіи между явленіями въ лингвистикѣ и въ области наукъ естественныхъ, въ которыхъ и поэтому, между тѣми и другими можно признать нѣкоторое сродство. Въ органической жизни растеній и животныхъ, какъ и въ жизни языковъ, дѣйствуютъ одинаковые законы: живые организмы также представляютъ безчисленные примѣры сохраненія въ себѣ слѣдовъ прежнихъ организмовъ, которые также могутъ быть названы живыми ископаемыми, потому что они снова функціонируютъ въ новомъ организмѣ, но тѣмъ не менѣе, всетаки они

лишь ископаемые прошлаго, такъ какъ сохраненіе ихъ не вызывается условіями новѣйшаго существованія и объясняется исключительно тѣми отжившими формами, через которыя прошелъ новый организмъ.

И эта аналогія простирается еще далѣе. Въ организмѣ языка, также какъ и въ физическомъ, мы видимъ зарожденіе изъ ячейки, которая растетъ и развивается на счетъ прежнихъ сосѣднихъ ячеекъ и, наконецъ, совершенно ихъ поглощаетъ. Въ мірѣ лингвистики такъ же, какъ и въ органическомъ, происходитъ борьба за существованіе, въ которой одни индивидуумы и цѣлые виды погибаютъ жертвами своихъ сосѣдей, обладающихъ болѣе сильными средствами борьбы за свою жизнь. Вообще, если признать, что вся біологія есть не что иное какъ исторія дифференцированія организмовъ одного и того-же типа въ приспособленіи ихъ къ той или другой средѣ, то можно утверждать, что и лингвистика есть не что иное, какъ исторія развитія различныхъ языковъ, сообразно тѣмъ или другимъ племенамъ и мѣстностямъ, черезъ которыя проходилъ первоначальный типъ. Мы видимъ поразительное совпаденіе между законами органической матеріи и безсознательными импульсами нашего ума въ дѣлѣ естественнаго развитія языка».

О развитіи дара слова у дѣтей.

Англійскій ученый Уитней, въ своемъ изслѣдованіи о жизни и ростѣ языка, помѣщенномъ въ русскомъ переводѣ въ издаваемыхъ въ Воронежѣ „Филологическихъ запискахъ“ за 1885 и 1886 г.г., между прочимъ, говоритъ: „мы почти всѣ—легкіе мыслители и говоримъ такъ, какъ думаемъ, сплеча, впадая въ бездну ошибокъ, благодаря невѣжеству нашему относительно истиннаго значенія словъ, употребляемыхъ нами какъ придется. По этому, часто бываютъ недоразумѣнія и споры изъ-за словъ“. Если все это справедливо относительно Англіи,—страны, въ которой изстари процвѣтаютъ парламентаризмъ, съ знаменитыми ораторами, устное судопроизводство съ прославившимся судебнымъ краснорѣчіемъ и самая широкая свобода слова, то подобный суровый приговоръ еще болѣе примѣнимъ къ намъ, русскимъ. Что мы, вообще, не мастера говорить, и что краснорѣчивые люди у насъ—большая рѣдкость, это теперь уже извѣстно всякому. Чрезвычайно важное значеніе дара слова во всѣхъ сферахъ нашей дѣятельности также настолько уже выяснилось, особенно въ послѣднее время, что распространяться о немъ совершенно излишне. Въ началѣ этой книги мы уже говорили, что одинъ человѣкъ живою, прочувствованною, сильною и убѣдительною рѣчью зачастую увлекаетъ за собою огромныя массы людей и заставляетъ ихъ исполнять его волю, какъ говорится, плясать по его дудкѣ. Съ другой же стороны, не рѣдко (а у насъ, къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ) человѣкъ, по всѣмъ своимъ умственнымъ способностямъ, нравственнымъ убѣжденіямъ и душевнымъ качествамъ, вполнѣ достойный, чтобы его внимательно выслушали и послѣдовали за

нимъ, проигрываетъ свое дѣло единственно вслѣдствіе неумѣнья вполнѣ ясно выразить свои мысли, представить ихъ живо и наглядно и воодушевить слушателей силою убѣжденія и энергіи, выраженныхъ рельефно, горячо и увлекательно. Конечно, не природныя условія страны и врожденныя способности русскихъ тому виною; причины слабаго развитія въ насъ дара краснорѣчія лежатъ, прежде всего, въ условіяхъ нашего историческаго развитія, общественнаго строя и въ воспитаніи. О причинахъ перваго и втораго рода, какъ всѣмъ извѣстныхъ, а главное,— отъ насъ не зависящихъ, я распространяться не буду, но считаю не безполезнымъ обратить вниманіе родителей и воспитателей на послѣднюю, такъ какъ дѣло воспитанія нашихъ дѣтей, столь важное для насъ самихъ и для всего общества, есть, въ то-же время, дѣло рукъ нашихъ.

Прежде всего, мнѣ кажется, мы сами, не говоря уже о нашихъ дѣдахъ и прадѣдахъ, много еще виноваты въ недостаточномъ обращеніи вниманія на самое зарожденіе и обстоятельства и условія дальнѣйшаго развитія дара слова въ нашихъ дѣтяхъ. Укажу на примѣры такого невниманія, наиболѣе бросающіеся въ глаза: одни родители совсѣмъ оставляютъ дѣтей, въ ихъ первомъ возрастѣ, на произволъ судьбы, полагая своею обязанностію подумать объ устройствѣ ихъ воспитанія только когда они *«придутъ въ разумъ»*, и потому не только не заботятся о томъ, кто, какіе именно люди окружаютъ ребенка, но и сами нисколько не стѣсняются при дѣтяхъ дурачиться и коверкать свою рѣчь просто потѣхи ради; другіе смотрятъ на дѣтей, какъ на существа настолько еще безправныя, что, по ихъ мнѣнію, малютки въ присутствіи старшихъ не должны раскрывать рта и обязаны лишь отвѣчать на вопросы; наконецъ, третьи, любя своихъ „милыхъ крошекъ", какъ занимающія ихъ игрушки, только забавляются ихъ первымъ младенческимъ лепетомъ, и не только не заботятся разумно помогать дальнѣйшему развитію дѣтской рѣчи и направленію ея по настоящему пути, но еще сами безпрестанно повторяютъ и заставляютъ повторять и ребенка различныя неправильности его перваго говора. Можно было бы привести много и другихъ примѣровъ неправильнаго отношенія къ воспитанію въ дѣтяхъ дара слова; но не это со-

ставляетъ главную задачу настоящей статьи, а указаніе, по возможности, тѣхъ мѣръ, которыя, по моему мнѣнію, могли бы способствовать развитію въ подрастающемъ поколѣніи, не ораторскаго краснорѣчія (послѣднее зависитъ отчасти отъ природныхъ, индивидуальныхъ способностей, отчасти—отъ позднѣйшаго изощренія въ этомъ искусствѣ), а просто, логически и формально-правильнаго, яснаго и живаго выраженія своихъ мыслей.

Прежде всего, весьма интересно и поучительно ознакомиться съ исторіей зарожденія и дальнѣйшаго развитія въ человѣкѣ вообще, а въ ребенкѣ въ особенности, способности передавать другому свои сужденія, ощущенія и желанія посредствомъ звуковъ своего голоса.

Относительно происхожденія человѣческой рѣчи долгое время существовало много различныхъ предположеній, которыя сводятся, главнымъ образомъ, къ слѣдующимъ тремъ: она ниспослана человѣку съ неба, она развивается въ немъ рефлективно, отъ получаемыхъ впечатлѣній извнѣ, путемъ подражанія, изученія и присущей человѣку способности къ обобщеніямъ. Къ этой категоріи принадлежатъ слова звукоподражательныя,—названія, данныя какому-нибудь предмету или дѣйствію по звуку, характеризующему этотъ предметъ или дѣйствіе; но группа такихъ словъ, въ сравненіи съ другими, не значительна. Наконецъ, врожденна человѣку и развивается въ немъ, какъ природная потребность, причемъ сначала способность къ обобщеніямъ помогаетъ расширенію ея внутренняго содержанія, а съ теченіемъ времени, при помощи постепенно развивающихся въ человѣкѣ способностей къ анализу и самостоятельному творчеству, языкъ обогащается и въ отношеніи формы, т. е. словами, выражающими уже не общія понятія о цѣлой группѣ предметовъ одного и того же рода, но означающими понятія частныя, единичныя (напр. первобытный человѣкъ создаетъ слово *вода* и этимъ словомъ обозначаетъ всякую воду вообще и затѣмъ, по всей вѣроятности, уже много времени спустя, являются названія такихъ частныхъ понятій, какъ море, рѣка, озеро и т. д.); тогда какъ въ предшествовавшій этому періодъ обобщенія было на оборотъ: усвоивъ себѣ путемъ

подражанія или самостоятельнаго изобрѣтенія, названіе какого-либо отдѣльнаго предмета, первобытный человѣкъ распространяетъ это названіе и на многіе другіе предметы, возбуждающіе въ немъ однимъ или нѣсколькими своими признаками впечатлѣніе, сходное съ впечатлѣніемъ отъ перваго предмета, напр. указанныя выше слова *варваръ* и *hostis*, русское *гость* и др. [1])

Предположеніе о томъ, что языкъ переходитъ къ ребенку по наслѣдству отъ его предковъ, опровергается многими доказательствами. Достаточно указать на существованіе такого народа, какъ напр. американцы, среди которыхъ потомки африканцевъ и азіатцевъ, ирландцы, нѣмцы и племена южной Европы говорятъ такимъ же языкомъ, какъ и потомки англичанъ, съ тѣми лишь отличіями, которыя являются слѣдствіемъ мѣстныхъ вліяній и воспитанія, и безъ малѣйшаго слѣда *отечественнаго языка или языка прирожденнаго*. Каждый ребенокъ, рожденный на чужбинѣ, говоритъ на языкѣ своей родины, если окружаютъ его одни родители или—если не исключительно одни они вокругъ него,—говоритъ на двухъ языкахъ съ одинаковой легкостью. Дѣти миссіонеровъ, въ какой бы части свѣта они ни воспитывались и какъ бы рѣзко ни отличался языкъ той страны отъ языка ихъ родителей, говорятъ на немъ такъ же *натурально*, какъ и дѣти туземцевъ. Достаточно дать ребенку кормилицу француженку, рожденному отъ родителей англичанъ, нѣмцевъ или русскихъ и выросшему въ Англіи, Германіи или Россіи и удалить отъ него всѣхъ другихъ людей,—и онъ заговоритъ по французски такъ же, какъ французскій ребенокъ.

Нельзя также согласиться и съ мнѣніемъ ученыхъ, утверждающихъ, что въ каждомъ человѣкѣ языкъ самобытно возникаетъ, по мѣрѣ его тѣлеснаго и духовнаго развитія и сообразно его физическимъ и умственнымъ особенностямъ, пріобрѣтеннымъ путемъ наслѣдственной передачи, такъ какъ существующія подраздѣленія языковъ и нарѣчій не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ природнымъ способностямъ, наклонностямъ и физической формѣ тѣхъ, кто говоритъ на нихъ. Качества самыя различныя и далеко не въ одинаковой степени

[1]) См. предъидущ. ст. «Жизнь словъ».

встрѣчаются у лицъ, съ большимъ или меньшимъ совершенствомъ владѣющихъ однимъ и тѣмъ же языкомъ. Наиболѣе убѣдительными примѣрами такого явленія служатъ африканскіе негры и китайцы, изъ коихъ многіе говорятъ по англійски, какъ природные англичане. Нѣтъ, ребенокъ *научается* говорить отъ окружающихъ путемъ наблюденія, подражанія, обобщенія, въ особенности,—памяти, а отчасти,—и собственнаго творчества.

Между тѣмъ языкъ, какъ явленіе живое, органическое, не могъ оставаться неподвижнымъ и подвергался, какъ продолжаетъ подвергаться и теперь, постояннымъ измѣненіямъ. Въ чемъ же состояли эти измѣненія? отъ какихъ причинъ они зависѣли и на какихъ основаніяхъ совершались?

Характеръ, сущность и самыя условія дальнѣйшаго развитія рѣчи зависятъ отъ весьма многочисленныхъ и разнообразныхъ причинъ, изъ которыхъ относительно однѣхъ, какъ наиболѣе отдаленныхъ отъ насъ и скрытыхъ во мракѣ глубокой, недосягаемой древности, можно только догадываться; другія же выясняются путемъ изслѣдованія, наблюденія и сравненія всевозможныхъ явленій физическихъ и духовныхъ, обусловливающихъ жизнь человѣка.

Постараемся же изъ всѣхъ этихъ, весьма долгихъ и сложныхъ трудовъ ученыхъ натуралистовъ, философовъ и филологовъ сдѣлать одинъ общій и, по возможности, сжатый выводъ.

Мы видѣли уже, что пока люди жили на одномъ опредѣленномъ пространствѣ земли, на развитіе ихъ говора имѣли вліяніе три условія: врожденная способность и потребность человѣка выражать звуками свои мысли, окружающая природа и взаимодѣйствіе людей другъ на друга. Каждое изъ этихъ условій дѣйствовало въ своемъ направленіи: природа давала человѣку матеріалъ, надѣливъ его несравненно богаче всѣхъ живыхъ существъ разнообразіемъ членораздѣльныхъ звуковъ и постоянно окружая его всевозможными звуками другихъ животныхъ и даже неодушевленныхъ предметовъ, такъ какъ все въ природѣ имѣетъ свой звукъ (журчаніе воды, шелестъ листьевъ, скрипъ и трескъ дерева, звонъ металла, глу-

хой звукъ падающаго камня, свистъ и вой вѣтра и т. д.), такъ что человѣку одаренному, кромѣ весьма гибкаго и подвижнаго голоса, еще и чрезвычайно тонкимъ слухомъ, оставалось только подражать тѣмъ или другимъ звукамъ—и такимъ способомъ выражать свое понятіе о томъ предметѣ, звуку котораго онъ подражаетъ (слова звукоподражательныя). Въ тѣхъ случаяхъ, когда являлась необходимость выразить какое-либо собственное, самостоятельное ощущеніе, или понятіе, человѣкъ, по свойственной ему творческой способности, изобрѣталъ собственныя слова, стараясь выразить ими именно ту сторону предмета, которою этотъ предметъ наиболѣе обратилъ на себя его вниманіе. Наконецъ, наша удивительная переимчивость помогла людямъ легко и быстро усвоивать слова и обороты рѣчи, изобрѣтенные и произносимые при нихъ другими.

Но всѣ эти дѣятели въ развитіи человѣческой рѣчи какъ ни сильны, какъ ни разнообразны, все-таки ограничены; а между тѣмъ жизнь, со всѣми ея условіями, явленіями и потребностями, не останавливается ни на одну минуту и расширяется все болѣе и болѣе. Кромѣ своихъ первоначальныхъ, исключительно животныхъ, потребностей и явленій внѣшней природы, такъ сказать, тѣсно, непосредственно къ нему прилегающихъ, человѣкъ скоро вступаетъ, съ одной стороны, въ міръ представленій о явленіяхъ отвлеченныхъ, не имѣющихъ доступнаго внѣшнимъ чувствамъ образа (скорость, память, кислота, сила и т. п.), а съ другой—явленій, на столько отъ него отдаленныхъ, что при младенческомъ еще его умственномъ развитіи, при совершенномъ отсутствіи критики и анализа, эти явленія для него не понятны. Первымъ изъ этого рода явленій прародители наши придаютъ названія различныхъ предметовъ конкретныхъ, имъ хорошо знакомыхъ, которые какимъ-либо однимъ или суммою своихъ признаковъ напоминаютъ наиболѣе характерный, типическій признакъ новаго понятія, отвлеченность котораго облекается такимъ образомъ въ форму видимаго предмета и дѣлается доступною пониманію первобытнаго человѣка; напр., твердость обозначается камнемъ, быстрота—стрѣлою, пущенною изъ лука,

родство—двумя пальцами, вложенными въ ротъ и соединенными поперегъ третьимъ и т. д. Все это символы, происхожденіе которыхъ, такимъ образомъ, лежитъ въ глубокой древности. Что же касается явленій втораго рода, такихъ напр., какъ восходъ и закатъ солнца, смѣна дня ночью, явленій грозы, бури и т. п., то люди, съ помощію воображенія, которое, замѣчу кстати, у первобытнаго человѣка весьма сильно и живо, пріурочиваютъ ихъ къ явленіямъ своей собственной жизни, за предѣлы которой ихъ міросозерцаніе не идетъ, объясняютъ всѣ подобныя явленія тѣми же причинами, по которымъ проявляется ихъ собственная жизнь, надѣляя небо, солнце, луну, воду и землю тѣми же качествами и способностями, даже тѣми же добродѣтелями и недостатками, которыя они видятъ въ себѣ самихъ и, слѣдственно, представляютъ ихъ себѣ одушевленными предметами, одаренными человѣческими свойствами, но лишь въ гораздо большей степени, какъ существа высшія, загадочныя и всесильныя, которымъ необходимо поклоняться и умилостивлять ихъ, словомъ, *боготворить*. Такъ, одно божество въ воображеніи древняго человѣка встаетъ, освѣщаетъ и согрѣваетъ землю и ложится спать; другое—сердится, вздымаетъ грозныя волны, опрокидываетъ ихъ на землю и онѣ уничтожаютъ все встрѣчающееся на ихъ пути; третье—то кротко свѣтитъ и грѣетъ, то разсвирѣпѣвъ, жжетъ и уничтожаетъ все окружающее и т. д. Такое очеловѣченіе различныхъ силъ природы (антропоморфизмъ) и послужило началомъ миѳологіи древнихъ, а многія символическія названія отвлеченныхъ понятій перваго рода, сохранившись и въ языкахъ современныхъ, получили теперь значеніе метафоръ, или выраженій фигуральныхъ.

Но вотъ, родъ человѣческій размножается и разсѣевается по лицу земли все болѣе и болѣе. Съ одной стороны, природныя условія новой мѣстности, окружающія ея обитателей, уже совершенно иныя; а съ другой и связь между отдѣльными группами людей, раздвигающимися все далѣе и далѣе одна отъ другой, значительно слабѣетъ. Все это тотчасъ отражается и на языкѣ. Хотя первоначальные основные корни сохраняются, но уже подвергаются измѣненіямъ болѣе или ме-

нѣе значительнымъ. Кромѣ различныхъ приставокъ и окончаній, видоизмѣняются и самые корни въ своемъ существѣ; одни и тѣ же звуки переставляются въ другомъ порядкѣ, или къ прежнимъ присоединяются еще новые, до тѣхъ поръ не бывшіе, или старые звуки замѣняются новыми, нѣкоторые же исчезаютъ вовсе; наконецъ, нѣсколько корней сливаются въ одно слово, выражающее какое-нибудь сложное понятіе, состоящее изъ двухъ или болѣе признаковъ, характеризующихъ извѣстный предметъ. Но въ то же время появляется множество новыхъ словъ и такимъ образомъ языкъ новыхъ обитателей все болѣе отдаляется отъ своего родоначальника и этимъ объясняется различіе сначала нарѣчій одного и того же языка, а потомъ и самыхъ языковъ. Новые языки обогащаются и совершенствуются, а прежніе вымираютъ.

Теперь присмотримся, какъ мало-по-малу развивается языкъ ребенка съ самаго начала его жизни, такъ какъ, ознакомившись съ естественными законами этого развитія, мы можемъ гораздо легче, быстрѣе и цѣлесообразнѣе содѣйствовать усовершенствованію дара слова воспитываемыхъ нами дѣтей.

Для этого мы воспользуемся наблюденіями извѣстнаго французскаго писателя, Тэна, надъ дѣвочкой, начиная съ перваго часа до 16 мѣсяцевъ ея жизни, изложенныя имъ въ его весьма интересной статьѣ, подъ заглавіемъ: *„Nde sur l'acquisition du langage chez les enfants, et dans l'espèce humaine"*, *въ 1-мъ №* *„Revue philosophique"*.

Сопоставляя эти наблюденія, а также и свои собственныя, со всѣмъ тѣмъ, что было сказано выше о способахъ выраженія своихъ ощущеній первобытнымъ человѣкомъ, вы увидите, что языкъ ребенка, въ первое время его жизни, развивается совершенно по тѣмъ же законамъ и почти тѣмъ же путемъ, какъ и языкъ нашихъ прародителей, съ тою лишь разницею, что наши дѣти окружены гораздо сильнѣйшею и разнообразнѣйшею помощью извнѣ, будучи постоянно окружены взрослыми людьми, уже овладѣвшими огромнымъ богатствомъ и силою языка.

До $2^1/_2$ мѣсяцевъ, говоритъ Тэнъ, дѣвочка дѣлала только безсознательныя движенія руками и ногами и кричала, и только около этого времени у нея замѣчалось движеніе, видимо прі-

обрѣтенное: она, заслышавъ голосъ своей бабушки, поворачивала голову въ ту сторону, откуда этотъ голосъ раздавался. Рядомъ съ этими первыми попытками сознательныхъ движеній, развивался и голосовой органъ. Черезъ мѣсяцъ, среди самыхъ разнообразныхъ звуковъ, слышались исключительно одни гласные и ни одного согласнаго, но въ теченіи нѣсколькихъ слѣдующихъ мѣсяцевъ къ гласнымъ постепенно присоединялись и согласные, восклицанія дѣлались членораздѣльными, и всѣ эти звуки, сплетаясь и комбинируясь болѣе и болѣе, мало по малу приближались къ тѣмъ, которыми владѣемъ и мы.

Въ 12 мѣсяцевъ, ребенокъ со звуками еще не соединялъ ни какого смысла и владѣлъ только матеріаломъ языка, еще не усвоивъ его содержанія. Изъ согласныхъ звуковъ прежде другихъ были произнесены слѣдующіе: *мм*, *краааy* [1]), *папапапа*. Однакожъ, съ этого времени дѣвочка, изъ произносившихся ею самостоятельно, но еще случайно, звуковъ, съ помощію примѣра и повторенія, стала выдѣлять и удерживать въ памяти извѣстные звуки. Различныя душевныя движенія выражались ею весьма разнообразными тонами, оттѣнки которыхъ отличались чрезвычайною тонкостью.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ребенкѣ стало развиваться любопытство, выражавшееся сначала въ стремленіи прислушаться къ раздающимся вокругъ его звукамъ (что по отношенію къ языку чрезвычайно важно) и пристальномъ разглядываніи предметовъ, а затѣмъ,—простиравшееся и далѣе, до старанія проникнуть во внутренность различныхъ вещей. Духъ изученія, изслѣдованія быстро усиливался въ маленькомъ субъектѣ: она все хватала, вертѣла, и разъ въ предметѣ уже не представлялось ничего новаго, не чему было въ немъ учиться,—онъ оставлялся, и вниманіе обращалось на другой предметъ. Такъ продолжались первые 2—3 года и за это время дѣвочка выучилась произносить уже довольно много словъ. Въ первое время этого періода (между 2-мъ и 3-мъ годами) индивидуализировать понятія, обозначае-

---

[1]) Такіе звуки приписываетъ Тэнъ французскимъ дѣтямъ; но относительно русскихъ дѣтей слѣдуетъ замѣтить, что въ ихъ первыхъ крикахъ слышатся звуки уа, агу, а ужъ ни какъ не буква р, которую напротивъ, они долго не могутъ произнести.

мыя тѣмъ или другимъ словомъ, она еще не могла и слова имѣли еще для нея общее значеніе, и этотъ процессъ обобщенія понятій весьма походилъ на тотъ, какой мы видѣли въ языкѣ первобытнаго человѣка. Напр., выучившись произносить слово „киса“ и усвоивъ себѣ только общее содержаніе этого слова, она долго называла этимъ именемъ не только кошку, но и собаку и кролика и вообще, всякое животное, сколько-нибудь походившее, по своимъ общимъ признакамъ, на кошку, и эта способность подмѣчать сходство развивалась весьма быстро и сильно. Такимъ образомъ, одно и то же слово обозначало на ея языкѣ нѣсколько *не одинаковыхъ*, но непремѣнно *однородныхъ* понятій. Будучи 14-ти мѣсяцевъ и 3-хъ недѣль, она уже имѣла въ своемъ распоряженіи до десятка словъ, которымъ совершенно сознательно придавала опредѣленный смыслъ. Собственно моментъ перехода отъ безсознательнаго отношенія къ слову, усвоиваемому лишь путемъ подражанія, къ сознательному, не былъ уловленъ, такъ какъ это весьма трудно. Съ 15-го мѣсяца умственное развитіе у дѣвочки пошло еще быстрѣе; а съ тѣмъ вмѣстѣ,—обогащался и совершенствовался ея языкъ. Она нетолько свободно повторяла слова окружающихъ ее людей, но съ удивительною наблюдательностію подмѣчала самую интонацію и даже—измѣненія въ выраженіи лицъ. Кромѣ постоянно увеличивавшагося запаса словъ, очевидно заимствованныхъ, она произносила слова, изобрѣтенныя ею самою, и это не были звуки случайные, безсмысленные, а скорѣе, такъ сказать,—естественные голосовые жесты, на подобіе жестовъ мимическихъ, непосредственно выражающихъ извѣстное душевное настроеніе, или ощущеніе физическое; такъ, напр. звукомъ *гамъ* дѣвочка выражала слово *ѣсть*, и если вслушаться въ происхожденіе этого звука, то не найдемъ ли мы въ немъ сходства съ естественнымъ звукомъ, сопровождающимъ хватаніе чего-нибудь и вмѣстѣ съ тѣмъ,—вдыханіе гортанью и полное замыканіе губъ. Много словъ, произносившихся дѣвочкой сначала, впослѣдствіи совсѣмъ вышло изъ ея употребленія, и это произошло, по всей вѣроятности, вслѣдствіе нежеланія заучить ихъ, по несоотвѣтствію вовсе, или по недостаточности соотвѣтствія ихъ нашему поня-

тію и по не употребленію этихъ словъ окружавшими ее взрослыми людьми.

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ этихъ наблюденій Тэна можно сдѣлать слѣд. выводы:

1) Въ первые дни своей жизни ребенокъ кричитъ просто механически, изъ потребности издавать звуки и потому, что ему пріятно издавать ихъ.

2) Сначала звуки совершенно сливаются и, затѣмъ, мало по малу, дѣлаются членораздѣльными.

3) Мы научаемъ своихъ питомцевъ словамъ, помогаемъ имъ усвоивать смыслъ этихъ словъ; но при этомъ ребенокъ, часто связываетъ съ нашими словами свои собственныя понятія, на которыя мы и не расчитываемъ, и потому, необходимо наблюдать за нимъ и направлять его языкъ на путь истинный.

4) Ребенокъ изобрѣтаетъ свои собственныя слова, и наконецъ,—

5) Умственное состояніе ребенка, во многихъ отношеніяхъ сходно съ умственнымъ состояніемъ первобытнаго человѣка, и потому проходитъ чрезъ одинаковыя фазы развитія, но, съ нашею помощью, гораздо легче и быстрѣе.

Итакъ, если мы сообразимъ все, изложенное въ этой статьѣ, то увидимъ, что рѣчь ребенка, также, какъ и среди только что возникающихъ человѣческихъ обществъ, появляется и совершенствуется въ первое время по неизмѣннымъ, постояннымъ законамъ природы какъ самаго человѣка, такъ и окружающей его, не нуждаясь ни въ какихъ искусственныхъ правилахъ и пріемахъ, и что слѣдуетъ только, внимательно подмѣтивъ и изучивъ эти законы, не мѣшать ихъ самостоятельному дѣйствію, стараясь лишь помогать природѣ, гдѣ это представится нужнымъ и возможнымъ. Въ чемъ и какимъ именно образомъ можетъ выражаться эта помощь, прежде всего, укажетъ личное наблюденіе родителей и воспитателей надъ каждымъ отдѣльнымъ ребенкомъ, такъ какъ и индивидуальныя и весьма многія внѣшнія условія, какъ напр среда, національность, окружающая природа и т. п., въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ имѣютъ первенствующее значеніе, и затѣмъ уже необходимо

руководствоваться нѣкоторыми общими, основными правилами, выработанными наукой и практикой.

Правила эти сводятся къ слѣдующему:

Прежде всего, необходимо какъ можно тщательнѣе прислушиваться къ первымъ голосовымъ упражненіямъ ребенка, стараясь подмѣтить, не обнаружится ли какой-нибудь физическій недостатокъ въ его звуковыхъ органахъ, и, въ послѣднемъ случаѣ, содѣйствовать его устраненію тѣми мѣрами и въ то время, какія будутъ указаны докторомъ-спеціалистомъ. Наблюденія эти должны продолжаться неослабно во всѣ первые годы жизни дитяти, до тѣхъ поръ, пока оно окончательно не овладѣетъ языкомъ, т. е. пока мы не убѣдимся, что всѣ общеупотребительные звуки и ихъ разнообразнѣйшія сочетанія произносятся имъ совершенно легко и правильно. Нерѣдко встрѣчаются дѣти, которыя не произносятъ тѣхъ или другихъ звуковъ. Одни, напр. не выговариваютъ буквы *р*, другіе—*л* и т. д. Недостатокъ этотъ, обыкновенно происходитъ отъ порока соотвѣтствующаго звуковаго органа,—и дѣло врача устранить этотъ недостатокъ. Мы же, со своей стороны, должны только, слѣдуя указаніямъ спеціалиста, стараться, посредствомъ постоянныхъ упражненій ребенка въ произношеніи затрудняющаго его звука, помочь ему побѣдить этотъ недостатокъ, насколько возможно. Главное,—не оставляйте его безъ вниманія.

Когда, спустя нѣсколько мѣсяцевъ по рожденіи, ребенокъ проявляетъ сознательное отношеніе къ раздающимся вокругъ него звукамъ и обнаруживаетъ первыя попытки повторить ихъ, отнюдь не слѣдуетъ забрасывать его множествомъ разнообразныхъ звуковъ и словъ, напротивъ, полезно обращать къ нему самыя простыя, несложныя слова, какъ папа, мама, баба и т. п., которыя онъ скоро станетъ произносить и самъ.

Мы уже видѣли, что этимъ путемъ лексическое богатство ребенка растетъ весьма быстро и въ то же время безпрестанно наполняется новыми, имъ самимъ изобрѣтаемыми словами. Слова перваго рода, заимствованныя отъ взрослыхъ, довольно долго имѣютъ для него только общее значеніе извѣстнаго родоваго понятія; слова же, образованныя имъ самимъ, страдаютъ случайностію и, по большей части, отсутствіемъ соотвѣтствія

формы съ содержаніемъ. Вотъ здѣсь то и необходима наша помощь: произнося то или другое слово и постоянно указывая при этомъ на одинъ соотвѣтствующій ему предметъ, повторяя такой пріемъ нѣсколько разъ, мы, мало по малу, пріучаемъ нашего воспитанника связывать это слово именно съ однимъ указываемымъ ему предметомъ, и только перенося то же названіе на другой подобный же предметъ, пріучаемъ и его дѣлать то же самое. Если слово, изобрѣтенное самимъ ребенкомъ, не соотвѣтствуетъ своему содержанію,—отнюдь не забавляйтесь имъ, не повторяйте, хотя бы только ради шутки и удовольствія, и всякій разъ произносите вмѣсто него настоящее,—и дитя скоро усвоитъ ваше слово, а свое забудетъ. Здѣсь кстати обратить вниманіе на весьма распространенную между родителями привычку безпрестанно повторять то или другое исковерканное, или совершенно небывалое слово своего ребенка, почему либо имъ понравившееся. Вполнѣ уважая родительскую любовь, восхищающуюся первымъ лепетомъ милыхъ малютокъ, тѣмъ не менѣе, я, со своей стороны, считаю такую привычку весьма вредною, равно какъ и обыкновеніе многихъ поддѣлываться подъ дѣтскій лепетъ, сюсюкать, шепелявить и, вообще, коверкать свой языкъ на дѣтскій ладъ, въ разговорѣ съ крошечными дѣтьми. Все это только закрѣпляетъ неправильности языка въ дѣтяхъ и сильно замедляетъ его прогрессивное совершенствованіе, и было бы несравненно полезнѣе, еслибъ родители вмѣсто повторенія какого-нибудь дѣтскаго звука, напр. *мня-мня,* тотчасъ же спокойно и отчетливо произносили соотвѣтствующее ему слово *ѣсть*, или *кушать*.

Постепенность въ дѣлѣ развитія языка представляется также обстоятельствомъ весьма важнымъ и, въ этомъ отношеніи, необходимо избѣгать, во 1-хъ, слишкомъ быстраго усложненія звуковъ, не соразмѣрнаго съ физическими звуковыми силами дитяти, и, во 2-хъ, излишняго обремененія его все новыми и новыми словами и понятіями, не соразмѣрнаго съ его слишкомъ еще слабыми и нѣжными мыслительными способностями. Имѣйте въ виду, что впечатлительность ребенка крайне чувствительна и съ ней необходимо обращаться чрезвычайно осторожно. Конечно, говоря при ребенкѣ съ другими,

или разговаривая съ нимъ самимъ, особенно, когда уже онъ и самъ относится къ этому разговору сознательно, весьма трудно постоянно заботиться не только о содержаніи своихъ рѣчей, или о выборѣ самыхъ словъ, но, хотя и то, и другое весьма желательно, я, однакожь, особенно настаиваю не на этомъ, по отношенію къ дѣтямъ только еще начинающимъ говорить, и считаю лишь весьма полезнымъ, когда учатъ дѣтей говорить, т. е. когда обращаются къ нимъ именно съ этою цѣлью, выбирать слова и по содержанію, и по внѣшней формѣ наиболѣе соотвѣтствующія ихъ силамъ, такъ какъ непосильное произношеніе ихъ можетъ испортить ихъ звуковые органы, а слишкомъ сложное и разнообразное содержаніе—дурно влiять на правильное развитіе и укрѣпленіе ихъ умственныхъ способностей. Заучиваніе множества словъ заразъ въ первое время жизни малютки поведетъ къ зарожденію въ немъ многихъ недостатковъ, изъ которыхъ важнѣйшіе—привычка не останавливаться долго на усвоиваемомъ предметѣ, не вдумываться въ изучаемое, къ путаницѣ въ рѣчи, въ которой ребенокъ будетъ полусознательно употреблять различныя слова, перемѣшивая ихъ и теряясь въ ихъ лабиринтѣ.

Но вотъ, ребенокъ уже овладѣлъ основаніемъ рѣчи, въ его распоряженіи уже довольно большой запасъ словъ и оборотовъ, онъ входитъ все въ большее и большее соприкосновеніе съ людьми посторонними; его умъ безпрестанно наталкивается на множество новыхъ предметовъ и явленій. Со свойственною его возрасту впечатлительностію, онъ наблюдаетъ ихъ, сравниваетъ и различаетъ. Логическія его способности развиваются съ каждымъ днемъ,—и наступаетъ время гораздо болѣе серьезнаго и сложнаго руководительства старшихъ въ дѣлѣ дальнѣйшаго развитія его языка. Но, къ крайнему сожалѣнію, мы должны сознаться, что такое руководительство встрѣчается среди насъ развѣ лишь какъ рѣдкое исключеніе. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, дѣти въ періодѣ своего возраста отъ 2—3 лѣтъ до школьнаго, или вообще, книжнаго обученія, оставляются или на рукахъ нянекъ и другой прислуги, а не то—и просто на произволъ судьбы, и всѣ заботы родителелей (и то хорошихъ) ограничиваются заботами о его

пищѣ, о чистотѣ содержанія, да пожалуй еще,—доставленіемъ ему разныхъ удовольствій, въ видѣ ласкъ, игрушекъ и гостинцевъ. По отношенію къ занимающему насъ вопросу, кому не случалось безпрестанно слышать, напр., такіе возгласы образованныхъ и нѣжныхъ родителей, обращенные къ дѣтямъ: „фи, Катя! отъ кого это ты выучилась такимъ словамъ!“ или: „ты, вѣрно на кухнѣ, или въ людской наслушалась такихъ выраженій?!!“ и т. д., а между тѣмъ, эти же родители, приходящіе въ такой ужасъ отъ жаргона людскихъ и кухонь, ровно ничего не дѣлаютъ для правильной выработки дѣтской рѣчи, дѣйствительно, сильно страдающей подъ вліяніемъ крайне испорченнаго и уродливаго говора нашей городской прислуги. Слишкомъ раннее обученіе дѣтей нашихъ разнымъ, да еще нѣсколькимъ за-разъ, иностраннымъ языкамъ тоже представляетъ весьма важное препятствіе къ твердому усвоенію ими прежде всего чистой, правильной русской рѣчи. Бороться съ этимъ укоренившимся у насъ обычаемъ теперь чрезвычайно трудно, и я ограничиваюсь только указаніемъ на него, и какъ на послѣдствіе этого,—на тѣхъ, нерѣдко встрѣчающихся людей, которые составляютъ свою рѣчь изъ безобразнаго смѣшенія словъ французскихъ, нѣмецкихъ, иногда и англійскихъ, не говоря уже о томъ, что вся такая рѣчь пестритъ барбаризмами всевозможныхъ видовъ.

Укажу еще на одну погрѣшность въ нашей рѣчи, которая не можетъ не имѣть вреднаго вліянія на языкъ дѣтей: мы, вообще, мало выдержаны и, если можно такъ выразиться. мало опрятны въ нашихъ обыденныхъ разговорахъ. Не говоря уже о безпрестанныхъ недомолвкахъ, произвольныхъ сокращеніяхъ и даже искаженіяхъ въ словахъ и фразахъ, допускаемыхъ нами не отъ незнанія, а просто, отъ дурной привычки и распущенности, мы, къ сожалѣнію, слишкомъ часто усвоиваемъ себѣ разныя выраженія, вовсе не идущія къ дѣлу, ни мало не характеризующія опредѣляемаго ими понятія, и просто,—случайно гдѣ нибудь услышанныя нами,—и вклеиваемъ ихъ въ свою рѣчь кстати и не кстати, какъ-бы щеголяя такими, частію совершенно безсмысленными, частію не соотвѣтствующими своему назначенію, выраженіями, какъ

«*сбондить*, (стащить), *раздавить* (выпить) *бутылочку*, *лимониться* (ласкаться), *махай! хлещи!* (начинай, дѣлай то, или другое), и проч., находя въ нихъ какое-то особое остроуміе. Въ образованномъ молодомъ поколѣніи шестидесятыхъ годовъ, изъ которыхъ теперь весьма многіе стали уже почтенными отцами семействъ, а нѣкоторые спеціальными педагогами, вѣроятно, подъ вліяніемъ пресловутаго «сближенія съ народомъ», развилась манера, обратившаяся у многихъ въ привычку, говорить „жрать, трескать, дрыхнуть“ и т. п., а вмѣсто ласкательныхъ словъ, употреблять такія, какъ напр. „*свинья, подлецъ*“ и т. д. Какой же правильности, точности и изящества рѣчи можно требовать отъ дѣтей, если они безпрестанно слышатъ всѣ эти прелести, да еще отъ такихъ авторитетныхъ лицъ, какъ ихъ собственные родители?! Мы далеко не проповѣдуемъ пуританской строгости въ языкѣ, которая бы не допускала ни какихъ шутокъ, ни какой веселости, живости и остроумія; но пусть же все это будетъ дѣйствительно весело, живо и остроумно, а не безмысленно, грубо и цинично.

Случается, что дѣти, сначала говорившіе совершенно чисто и свободно, черезъ нѣсколько времени начинаютъ картавить, шепелявить и заикаться. Первые два недостатка часто начинаются съ простой шалости и подражанія, или передразниванья другихъ, и если только во время замѣтить эту манеру, прежде чѣмъ она превратится въ привычку,—ее не трудно и устранить; въ противномъ же случаѣ придется бороться съ этимъ зломъ довольно долго; но бороться необходимо и какъ можно энергичнѣе, постоянно имѣя въ виду, что всякое косноязычіе, кромѣ огромныхъ неудобствъ въ общежитіи, совершенно закрываетъ доступъ къ весьма многимъ отраслямъ общественной дѣятельности. Но еще большее зло представляетъ заиканіе. Это болѣзненное явленіе поражаетъ дѣтей часто въ ихъ самомъ нѣжномъ возрастѣ, и, что печальнѣе всего, не рѣдко мы сами бываемъ его виною, такъ какъ оно происходитъ, между прочимъ, отъ сильнаго испуга дитяти, отъ болѣе или менѣе сильнаго сотрясенія его нервной системы. Въ подобныхъ случаяхъ, прежде всего необходимо обратиться къ спеціальному леченью; а мы, со своей стороны, можемъ

только рекомендовать какъ можно болѣе спокойное отношеніе къ ребенку, безусловное изгнаніе въ обращеніи съ нимъ не только какихъ бы то ни было запугиваній и раздражительности, но и малѣйшей нетерпѣливости. Также весьма важно постоянно наблюдать, чтобы ребенокъ говорилъ и читалъ какъ можно протяжнѣе, спокойнѣе, отнюдь не волнуясь и не робѣя, а иначе ему гораздо лучше совсѣмъ замолчать. Во всякомъ случаѣ, вопросъ этотъ настолько важенъ, что за разъясненіемъ его и необходимыми указаніями лучше всего обратиться къ спеціальнымъ сочиненіямъ [1]).

Обращаясь затѣмъ къ непосредственному отношенію нашему къ дѣтскому говору, прежде всего, необходимо какъ можно внимательнѣе прислушиваться къ нему, и замѣтивъ въ немъ какія-либо неправильности и недостатки, тотчасъ же исправлять ихъ; а чтобы эти поправки не исчезали безслѣдно,—полезно потомъ наводить дѣтей на тѣ же слова и обороты, въ которыхъ они ошибались, или даже умышленно самимъ иногда повторять въ разговорѣ съ ними замѣченныя у нихъ ошибки и заставлять исправлять ихъ.

Какъ прекрасное средство для обогащенія дѣтскаго языка обильнымъ запасомъ новыхъ словъ и выраженій, а также—для развитія въ нихъ наблюдательности и умѣнья тонко подмѣчать не только различные признаки предметовъ, но и мельчайшіе оттѣнки этихъ признаковъ, и точно опредѣлять ихъ,—весьма полезны предметные уроки. Приносите ребенку разные предметы, доступные его пониманію и занимайте его подробнымъ наблюденіемъ этихъ вещей, различеніемъ, сравненіемъ ихъ признаковъ и точнымъ опредѣленіемъ всего наблюдаемаго, постоянно исправляя его языкъ со стороны логической и формальной. Но спаси васъ Богъ отъ тѣхъ крайнихъ увлеченій, съ которыми нѣкоторые современные педагоги набрасываются на бѣдныхъ малютокъ, истязая ихъ сотнями пустыхъ вопросовъ о стулѣ, о столѣ, о кротѣ и т. д., чѣмъ совершенно отупляютъ своихъ

---

[1]) Между прочимъ, см. въ № 2 «Педагогическаго Листка» 1872 г. издававшагося при «Дѣтск. Чтеніи», статью: *Заиканье и причины его, лежащія въ домашнемъ воспитаніи*».

питомцевъ и поселяютъ въ нихъ вполнѣ естественное отвращеніе отъ всей этой болтовни.

Когда дѣти начинаютъ уже самостоятельно читать книги, задача усовершенствованія ихъ языка, съ одной стороны, значительно облегчается; но съ другой—становится сложнѣе. Все дѣло тутъ въ выборѣ самаго матеріала для чтенія, и, затѣмъ—въ манерѣ чтенія и правильномъ руководствѣ имъ. Извѣстно, что дѣти, по большей части, по крайней мѣрѣ въ первое время, очень любятъ читать, не столько ради содержанія, сколько ради самаго процесса чтенія, и это совершенно понятно: самая форма изложенія представляетъ еще для нихъ занимательность новизны, и, увлекая ихъ, не даетъ вникнуть въ содержаніе. Поэтому, тщательный выборъ книгъ для первоначальнаго чтенія, по отношенію въ простотѣ и правильности языка, представляется вопросомъ весьма важнымъ. Къ сожалѣнію, спеціально составленныхъ для этого книгъ мы имѣемъ слишкомъ мало [1]) и, потому лучше бы, на первыхъ порахъ, поменьше давать дѣтямъ книгъ въ ихъ самостоятельное распоряженіе; пусть лучше, когда они предоставляются самимъ себѣ, ихъ занимаютъ какія-нибудь игры, забавы, ручныя работы и разныя механическія упражненія. Книгъ же, изъ которыхъ родители и воспитатели могутъ дѣлать богатый и весьма разнообразный выборъ статей, найдется въ нашей литературѣ совершенно достаточно. Необходимо только, прежде всего, рѣшить вопросъ, съ какихъ статей полезнѣе начинать упражненія дѣтей въ чтеніи—прозаическихъ, или поэтическихъ? Мнѣнія современныхъ педагоговъ сильно расходятся въ этомъ вопросѣ. Хотя стоящіе за полезность чтенія поэтическихъ произведеній и выставляютъ такія неоспоримыя достоинства послѣднихъ, какъ живость и образность языка,

[1]) Въ настоящую минуту намъ приходятъ на память только слѣд.; „Родное Слово“ Ушинскаго, „Хрестоматія“ Соловьева - Несмѣлова, „Учебная книга“ Паульсона; „Первое чтеніе для маленькихъ дѣтей“, Ишимовой (за исключеніемъ помѣщенныхъ въ ней стихотвореній на иностранномъ языкѣ). Желающимъ получить указанія другихъ книгъ для этой цѣли, рекомендуемъ каталоги дѣтской литературы Ф. Толля, изд. 1862 г., Соболева, изданный приложеніемъ къ Дѣтск. Чтенію за 1876 г., и библіографическія указанія, постоянно помѣщаемыя въ этомъ журналѣ. Большой выборъ для дѣтскаго чтенія можно почерпнуть изъ изданія Г-жи Алчевской: „*Что читать Народу*,“ и изданнаго СПБ. Комитетомъ Грамотности „*Обзора Русской Народно-учебной литературы*“.

музыкальность стиха, сжатость и сила выраженій,—но они упускаютъ изъ виду другія условія стихотворной рѣчи, при которыхъ она, во 1-хъ, далеко не всегда удобопонятна ребенку, именно, по своей сжатости и фигуральности выраженій, и во 2-хъ, едва-ли можетъ служить образцомъ для простой разговорной рѣчи, такъ какъ мы вѣдь говоримъ прозой, а не стихами, и не только стихотворный размѣръ и риѳмы не должны быть допускаемы въ нашъ обыкновенный языкъ, что было-бы утомительно и непріятно для слуха, но и съ метафорическими выраженіями, составляющими прелесть поэзіи, необходимо обращаться весьма осторожно, чтобы рѣчь наша не была напыщена, вычурна и невразумительна. Естественность, простота, полнота выраженій, не заходящая за предѣлы строгой опредѣленности, точность и ясность, строгая правильность формъ этимологическихъ и синтаксическаго построенія фразъ, удачный выборъ словъ и выраженій, мѣтко и рѣзко характеризующихъ выражаемыя ими понятія, наконецъ, такое комбинированіе словъ, которое производило бы пріятное впечатлѣніе на слухъ, но не ритмическими созвучіями и стихотворнымъ метромъ, а своею, собственно прозѣ свойственною музыкальностію правильнаго сочетанія звуковъ,—вотъ необходимыя условія изящнаго разговорнаго языка. Все это гораздо легче найти въ произведеніяхъ нашихъ прозаиковъ, а не поэтовъ, и потому я, со своей стороны, рекомендовалъ-бы давать дѣтямъ для чтенія сначала прозу, а потомъ уже стихи; но то и другое—непремѣнно со строгимъ выборомъ, въ тщательно обдуманной и соображенной съ каждымъ отдѣльнымъ случаемъ постепенности и подъ наблюденіемъ и руководствомъ старшихъ. Не забывайте, что книга есть орудіе обоюдоострое, и что она можетъ принести дѣтямъ столько же пользы, сколько и вреда, смотря по выбору ея и способу употребленія.

По простотѣ и художественности языка, по несложности и прелести содержанія, хорошимъ матеріаломъ для первоначальнаго чтенія могутъ послужить *нѣкоторыя* наши народныя сказки; затѣмъ—нѣсколько разсказовъ изъ сочиненій Погосскаго, далѣе—отрывки (а потомъ—и цѣликомъ) изъ „Дѣтства и Отрочества“ Толстого, изъ „Семейной Хроники“ Аксакова,

и нѣкоторые разсказы Тургенева. Однакожъ, скоро послѣ начала чтенія можно перейти и къ стихотворнымъ произведеніямъ, перемежая ихъ съ прозаическими, но только, главнымъ образомъ, имѣя въ виду при выборѣ ихъ, — наивозможную простоту, естественность, художественную правду и содержательность такихъ произведеній. Наши народныя былины [1]), стихотворенія Кольцова, Никитина, Жуковскаго, Пушкина, басни Крылова представятъ для этого огромный выборъ. Тѣмъ, которые затруднились бы сами выбрать образцы для дѣтскаго чтенія, можно порекомендовать наиболѣе распространенныя хрестоматіи, какъ напр. „Дѣтскій міръ“ Ушинскаго, „Книга для чтенія“ Водовозова, „Хрестоматія“ Полевого, „Даръ слова“ Семенова и др.

Одновременно съ самостоятельнымъ чтеніемъ дѣтей, и даже ранѣе его, также весьма полезно объяснительное чтеніе, матеріаломъ для котораго могутъ служить тѣ же книги. Маленькія дѣти вообще очень любятъ, когда имъ читаютъ вслухъ,— и путемъ объясненій словъ непонятныхъ, сжатаго, но точнаго и правильнаго пересказа самими дѣтьми прочитаннаго имъ, языкъ ихъ совершенствуется легко и быстро; но ради развитія въ нихъ силы мышленія, не должно давать имъ, безъ крайней необходимости, готовыхъ объясненій, а гораздо лучше заставлять ихъ, посредствомъ наведенія, самимъ отъискивать внутренній смыслъ слова. При этомъ, не только должно быть вполнѣ ясно и точно объяснено значеніе каждаго незнакомаго имъ слова, но необходимо указать и различные оттѣнкиего въ разныхъ случаяхъ его употребленія, а также и словъ синонимическихъ, ознакомить дѣтей съ корнями словъ и заставить ихъ пріискивать слова противоположныя имъ, по значенію, и производныя отъ коренныхъ.

Въ такихъ бесѣдахъ, кстати, могутъ быть объяснены омонимы, и слова и выраженія фигуральныя, что̀ послужитъ, во-первыхъ, хорошимъ упражненіемъ въ языкѣ, сначала хоть просто въ видѣ забавы, а во-вторыхъ, подготовкой къ уразумѣнію языка поэтическаго.

---

[1]) Вообще, за народной литературой необходимо признать чрезвычайно важное воспитательно-образовательное значеніе.

Такъ какъ живая рѣчь живого человѣка несомнѣнно дѣйствуетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ книга, то и такимъ прекраснымъ средствомъ, какъ доставленіе дѣтямъ какъ можно чаще случаевъ непосредственно слушать людей, говорящихъ правильно, дѣльно и изящно, отнюдь не слѣдуетъ пренебрегать, а напротивъ, весьма полезно привлекать дѣтей къ разговору съ подобными людьми, или слушанію ихъ разсказовъ.

Всѣ эти средства, на которыя до сихъ поръ я указывалъ, способствуютъ обогащенію языка дѣтей и его выправкѣ только до извѣстной степени, почти незамѣтнымъ образомъ, такъ сказать, играючи, и совершенно практическимъ способомъ сообщаютъ ребенку просто *навыкъ* выражаться ясно и правильно. Убѣжденіе родителей въ необходимости строго слѣдить за языкомъ своихъ дѣтей и способствовать его развитію, нѣкоторое знакомство съ пріемами въ этомъ дѣлѣ, общая развитость и образованность собственная, постоянное вниманіе къ дѣтямъ и неослабное наблюденіе за собой въ ихъ присутствіи, могутъ служить достаточнымъ ручательствомъ за бо̀льшій или меньшій успѣхъ дѣла. Но съ началомъ систематическаго школьнаго ученія, съ началомъ преподаванія дѣтямъ русской грамматики, задача значительно усложняется и затрудненія усиливаются. Мы уже не будемъ говорить о множествѣ такихъ постороннихъ явленій, какъ вавилонское смѣшеніе говоровъ школьныхъ товарищей, иностранцевъ-учителей, массы разнообразныхъ учебниковъ, о вредѣ и пользѣ такихъ явленій, такъ какъ, съ одной стороны, онѣ отъ насъ не зависятъ, а съ другой,—не входятъ въ нашу программу...

„Грамматика учитъ правильно говорить, читать и писать по-русски“, гласили прежніе учебники этого предмета. Такъ-ли это? вотъ вопросъ, который предстоитъ теперь разрѣшить.

Методъ преподаванія русской грамматики въ послѣднее двадцатипятилѣтіе подвергался, въ числѣ методовъ другихъ предметовъ, многократному обсужденію и, вслѣдствіе того, нѣсколько разъ мѣнялся въ общихъ своихъ основаніяхъ и въ частностяхъ. Мы — родители нынѣшняго поколѣнія — просто задалбливали массу грамматическихъ схемъ, въ родѣ приведенной выше, потомъ, въ одиночку и всѣмъ классомъ,

хоромъ, выкрикивали склоненія и спряженія, на всевозможныя исключенія,—и въ результатѣ, о законахъ языка, о томъ, какъ именно говорить и писать по-русски, и понятія не имѣли; а какъ образцы для навыка въ художественной рѣчи, будучи десятилѣтними мальчуганами, зазубривали, ни слова не понимая, Карамзинскую высокопарщину и Державинскую трескотню (для насъ въ то время все это только и могло быть высокопарщиной и трескотней), и, конечно, звонко отбарабанивъ урокъ учителю, на другой день забывали его совершенно безслѣдно для собственной рѣчи.

Но вотъ, наступила эпоха возрожденія русскаго общества, старые кумиры низвергнуты; новые идеалы и новые боги заступили мѣсто отжившихъ, и всеобщая ломка не миновала и скромной сферы русской педагогіи, а въ ея предѣлахъ—и преподаванія русскаго языка. Учебники Иванова, Востокова и Греча брошены окончательно и первыми реформаторами въ этой области являются Перевлѣсскій, Ушинскій, а по ихъ протоптаннымъ дорожкамъ—цѣлая фаланга подражателей. Изъ послѣднихъ наиболѣе рьяные дошли до крайнихъ предѣловъ увлеченія, и изъ благихъ стремленій первыхъ почтенныхъ преобразователей въ этомъ дѣлѣ,—вмѣсто схоластическаго заучиванія мертвыхъ учебниковъ, примирить грамматику съ живою русскою рѣчью, совершенно уничтожили преподаваніе грамматики, какъ науки, и свели ее на нѣсколько десятковъ отрывочныхъ правилъ, часто весьма плохо пристегнутыхъ къ упражненіямъ въ языкѣ, состоявшимъ по большей части изъ объяснительнаго чтенія и крайне безтолковой и утомительной катехизаціи прочитаннаго. Изъ всего этого вышелъ хаосъ невообразимый. Ученики старой школы вышли изъ нея, правда, безъ знанія грамматики, въ смыслѣ знанія разумнаго, примѣнимаго къ дѣлу, и только лучшіе изъ нихъ удержали въ своихъ головахъ цѣлый сборникъ грамматическихъ правилъ, но усвоивъ себѣ простую, безъискуственную рѣчь родной семьи и людей, окружающихъ ихъ, и усовершенствовавъ ее чтеніемъ образцовыхъ писателей. Усовершенствованію способствовали отчасти и существовавшія до конца пятидесятыхъ годовъ въ двухъ старшихъ классахъ нашихъ гимназій, такъ называвшіяся тогда „литера-

турныя бесѣды“, на которыхъ одни ученики читали свои сочиненія, а другіе имъ оппонировали, и между ними происходили, подъ направленіемъ учителя, небольшіе диспуты, что, безспорно, развивало ихъ мыслительныя способности и самый языкъ. Воспитанники же шестидесятыхъ годовъ, попавшіе въ водоворотъ всеобщей ломки и испытавшіе на себѣ въ одинъ гимназическій курсъ нѣсколько учебныхъ реформъ, грамматики не узнали уже вовсе; въ ихъ головахъ, вслѣдствіе безпрестаннаго пробованія надъ ними всевозможныхъ методовъ, — эвристическаго, катехизическаго, концентрическаго, синтетическаго и аналитическаго, и т. д., и т. д. — все перемѣшалось и представило самую печальную путаницу и видимое истощеніе умственныхъ силъ. Вслѣдствіе этого, ихъ рѣчь отличается крайнею спутанностью, неопредѣленностью; она пестритъ множествомъ иностранныхъ ученыхъ терминовъ, въ родѣ „конкресцированія, индивидуализаціи, интенсивности и экстенсивности, концентраціи, абсолюта, идентичности“, и все это схвачено на-лету, не понято какъ слѣдуетъ, и всовывается современными юношами кстати и не кстати. О синтаксическомъ построеніи ихъ фразъ и говорить нечего: зачастую эти юные ораторы „круглоту періодовъ запускаютъ такую“, какъ говоритъ Гоголь, — что просто плюнешь, да и прочь пойдешь“.

Итакъ, гдѣ же спасеніе между этими Сциллой прошедшаго и Харибдой настоящаго? Я, конечно, не берусь рѣшать окончательно этотъ слишкомъ сложный вопросъ, но полагаю, что спасеніе *въ золотой серединѣ* между мертвой схоластикой прежнихъ грамматиковъ и совершеннымъ отрицаніемъ грамматики, какъ науки, нѣкоторыми новѣйшими педагогами. Пусть и грамматика, какъ и всякая наука, сольется съ жизнію, тѣмъ болѣе, что она отнюдь не менѣе другихъ предметовъ имѣетъ на это право, такъ какъ все содержаніе ея, весь духъ ея — живой языкъ, могущественнѣйшее выраженіе жизни.

Въ послѣднее время, кажется, уже замѣтили сдѣланную ошибку и, постигнувъ всю важность ея значенія, стремятся къ примиренію грамматики съ практикой.

Если ребенокъ посредствомъ простого навыка уже умѣетъ правильно строить простыя, свойственныя его возрасту, предло-

женія, то въ обыкновенныхъ ежедневныхъ бесѣдахъ вы не только легко можете разобрать съ нимъ подобныя предложенія, его же собственныя, или вычитанныя изъ книги, по отношенію къ внутреннему, логическому ихъ построенію (элементы синтаксиса), но мало по малу, безъ затрудненія, перейдете и къ разбору этимологическаго состава и измѣненія формъ каждаго слова. Каждое грамматическое понятіе отнюдь не давайте ему отдѣльно отъ разбираемаго слова, но чтобы каждое правило не предшествовало слову, а слѣдовало за нимъ, вытекало изъ него и тотчасъ же закрѣплялось соотвѣтствующими упражненіями и задачами. Затѣмъ, нѣсколько грамматическихъ опредѣленій и правилъ необходимо сводить въ отдѣльныя группы, которымъ соотвѣтствовали бы новыя упражненія и задачи, причемъ чѣмъ болѣе будутъ расширяться самыя группы и чѣмъ болѣе будетъ увеличиваться число ихъ, тѣмъ болѣе слѣдуетъ давать мѣста самымъ разнообразнымъ упражненіямъ и общимъ повтореніямъ всего пройденнаго, все въ той же живой и непринужденной формѣ простыхъ родительскихъ бесѣдъ съ дѣтьми. Упражненія эти могутъ состоять изъ подведенія самимъ ребенкомъ подъ предлагаемые ему примѣры соотвѣтствующихъ правилъ, подъисканія примѣровъ на данное правило, самостоятельное указаніе имъ самимъ и исправленіе ошибокъ, которыя можно дѣлать нарочно, но незамѣтно для него, чтобы постоянно поддерживать его вниманіе и освѣжать въ его памяти сообщенныя ему грамматическія правила. Время отъ времени можетъ быть данъ и простой грамматическій разборъ. Очень полезное и любимое дѣтьми упражненіе представляетъ отъискиваніе погрѣшностей противъ синтаксиса, этимологіи и орѳографіи въ читаемыхъ съ ними статьяхъ, причемъ они должны не только указать ошибку или простой недостатокъ, но и объяснить, почему это неправильно или нехорошо, и какъ бы именно слѣдовало и было бы лучше, и почему. Наконецъ, не малую пользу могутъ принести и указанія на особенно удачныя построенія фразъ, обороты или другія отдѣльныя слова, попадающіяся при чтеніи произведеній великихъ мастеровъ русской рѣчи. Вотъ главные пріемы, могущіе, помочь желающимъ заняться домашнимъ обученіемъ дѣтей русскому языку. Они не новы и гораздо боль-

шія подробности ихъ, равно какъ и самый матеріалъ для ихъ осуществленія, можно найти въ такихъ руководствахъ, какъ „Родное слово“ Ушинскаго, годы 1, 2 и 3, и „Задачникъ русской грамматики“ Тихоміров.

Языкъ создается мыслію и языкъ же помогаетъ развитію мысли. По этому, чѣмъ болѣе расширяется умственный кругозоръ человѣка, чѣмъ сильнѣе и самобытнѣе, въ смыслѣ самостоятельнаго творчества, работаетъ его мысль, тѣмъ лучше развивается его рѣчь и тѣмъ болѣе обогащается новыми словами и оборотами. Слова—это аппаратъ, которымъ нашъ умъ управляетъ, какъ ремесленникъ—своими инструментами. Подобно тому, какъ послѣдній, при помощи своихъ инструментовъ, можетъ распоряжаться и изготовлять различные предметы, пробѣгать разстоянія, измѣрять время и т. д., точно такъ же, при содѣйствіи словъ, человѣкъ умножаетъ силы и дѣйствія мысли. Вслѣдствіе этого, съ каждымъ новымъ словомъ, съ каждой новой фразой въ нашемъ умѣ возбуждается новое представленіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ все болѣе и болѣе расширяется бдительность и содержаніе мысли.

Пріобрѣтеніе дара слова есть трудъ безконечный. Тотъ, кто можетъ посвятить себя самоусовершенствованію въ этомъ отношеніи и, по окончаніи первоначальнаго воспитанія, въ теченіе всей своей жизни продолжать увеличивать сумму своихъ знаній, тотъ постоянно будетъ усваивать все новыя и новыя слова и поднимется до весьма сложной и высокой фразеологіи. Онъ овладѣетъ обширнымъ словаремъ образованныхъ людей, будетъ понимать его и разумно пользоваться имъ. Тѣмъ не менѣе, все еще останется множество словъ и оборотовъ, до которыхъ ему не дойти. Словарь какого-нибудь богатаго, стараго и обработаннаго языка, напр. англійскаго, заключаетъ въ себѣ болѣе ста тысячъ словъ, но изъ нихъ не болѣе тридцати тысячъ употребляются въ обыкновенной рѣчи образованныхъ людей. Вычислено, что три пятыхъ словъ англійскаго языка достаточны для обыкновенныхъ потребностей образованнаго общества, а простые люди знаютъ ихъ несравненно менѣе.

Пріобрѣтеніе языка составляетъ часть воспитанія, какъ сообщеніе дѣтямъ и другихъ знаній, но „мы должны быть“, гово-

ритъ Уитней [1]) очень осторожны въ этомъ отношеніи, чтобы не подвигать дѣтей слишкомъ впередъ и не сооружать въ умѣ ихъ искусственнаго зданія словъ, не освѣщенныхъ соотвѣтствующею мыслію.

¹) „Жизнь и ростъ языка." – Филолог. записки Вып. III 1886 г.

Книги, составленныя Ѳ. Ѳ. Пуцыковичемъ:

Географія для народныхъ и др. элементарныхъ училищъ, *съ картами, типами народовъ и разными др. рис.*, состоящая изъ слѣдующихъ отдѣловъ: Родиновѣдѣнія. Отечествовѣдѣнія, Народовѣдѣнія, Землевѣдѣнія и Міровѣдѣнія. Изд. 11-е. Ц. 50 к.

Русская исторія для народныхъ и другихъ низшихъ училищъ, съ 24-мя историческими портретами и 30-ю другими рисунками, изображающими одежду, вооруженіе и постройки русскихъ въ различные періоды ихъ исторической жизни, съ пѣснями, былинами и древними сказаніями. Изданіе 12-е. Ц. 30 к.

Уроки русскаго правописанія. Годъ 1-й и 2-й. Руководство для учителей народныхъ и др. элементарныхъ училищъ. Опытъ приложенія изыскательнаго метода къ обученію правописанію. Изд. 10-е Ц. 35 коп. **Тоже.** Годъ 3-й, послѣдній. Изд. 7-е. Ц. 35 к.

Практическая русская грамматика. Учебное пособіе для учениковъ народныхъ училищъ. 300 письменныхъ грамматическихъ упражненій. Изд. 12-е Ц. 25 к.

Начала русской грамматики. Учебное пособіе для домашнихъ, воскресныхъ и церковно-приходскихъ школъ. Изд. 3-е. Ц. 10 к.

Русскій букварь *для народныхъ училищъ*, съ постепенно наростающими звуками, съ прописями (27 таблицъ), образцами рисованія (5 табл.), съ задачами, загадками, различными др. письменными и умственными упражненіями, съ указаніями для учащихъ, съ уроками чтенія-письма русскаго и славянскаго, съ *450 рисунками въ текстѣ.* Изд. 4-е Ц. 20 к.

Обученіе письму по счету. Руководство для учителей народныхъ училищъ. Ц. 30 к.

Рисованіе по сѣткѣ. Пособіе для самостоятельныхъ занятій дѣтей въ школѣ и дома: а) Выпускъ 1-й, содержащій 46 таблицъ контурныхъ рисунковъ. Ц. 25 к. б) Выпускъ 2-й, состоящій изъ 54-хъ таблицъ рисунковъ съ легкою тушевкою. Ц. 30 к.

Вокругъ насъ. Элементарныя свѣдѣнія изъ Міровѣдѣнія. Съ 125-ю рис. въ текстѣ. Учебное пособіе для ознакомленія съ окружающей природою, состоящее изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1. Страны свѣта, компасъ, планы, масштабъ, нашъ городъ—село и его окрестности. 2. Поверхность земли и ея внутреннее строеніе. 3. Вода, воздухъ, растенія. 4. Тѣло человѣка, животныя. 5. Земной шаръ, небо. Изд. 3-е. Ц. 40 к.

Братское Слово. Книга для чтенія въ церковно-приходскихъ, воскресныхъ и вообще народныхъ школахъ (*для младшаго и средняго отдѣл.*). Изд. 2-е, переработанное. Ц. 45 к. Съ рисунками въ текстѣ.

Наша Родина. Книга для чтенія въ старшемъ отдѣленіи учениковъ городскихъ и сельскихъ одноклассныхъ народныхъ училищъ. Цѣль этой книги—дать матеріалъ для чтенія, который бы способствовалъ душевному развитію дѣтей, обогатилъ ихъ существеннѣйшими познаніями, укрѣпилъ и развилъ въ нихъ религіозно-нравственное чувство и любовь къ родинѣ; поэтому всѣ собранныя здѣсь статьи имѣютъ либо религіозно-нравственное, либо практическое содержаніе, или же даютъ понятіе объ окружающей насъ природѣ, или знакомятъ съ бытомъ и историческимъ развитіемъ нашего отечества. Сообразно съ содержаніемъ, книга распадается на шесть слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Обще-литературный. 2) Изъ природы. 3) Изъ сельскаго хозяйства. 4) Изъ отечествовѣдѣнія. 5) Изъ Русской Исторіи, церковной и гражданской. 6) Изъ всеобщей Церковной Исторіи. Въ текстѣ книги находится 85 рисунковъ, а въ концѣ приложены темы для письменныхъ работъ, находящихся въ связи съ книгою для чтенія. Изд. 2-е, испр. Цѣна 50 коп.

Русскія Прописи. Учебное пособіе для учениковъ среднихъ и низшихъ училищъ, состоящее изъ 48-ми табл. (въ форматѣ обыкновен. ученическ. тетради) прописей крупнаго средняго и мелкаго письма. Изд. 2-е. Ц. 25 к.

Начальныя Прописи. Учебное пособіе для сельскихъ народн. училищъ, дѣтскихъ пріютовъ, церковно-приходскихъ и воскресныхъ школъ. Цѣна 8 к.

Иллюстрированные библейскіе разсказы для народнаго чтенія:

Сотвореніе міра. 10 к. **Праотцы-Патріархи.** 12 к. **Іосифъ Прекрасный.** 10 к. **Моисей** 12 к. **Самсонъ.** 8 к. **Соломонъ.** 8 к. **Іудиѳь** 8 к. **Руѳь.** 6 к. **Іовъ.** 8 к. **Товитъ.** 7 к. **Есѳирь.** 8 к. **Іисусъ Навинъ** 8 к. **Древніе Пророки.** 12 к.

Одобрены Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ для народнаго чтенія и Учебнымъ Комитетомъ Минист. Народн. Просвѣщенія для библіотекъ всѣхъ народныхъ училищъ.

А. С. Пушкинъ въ его изреченіяхъ и характеристикахъ. Сост. А. Сальниковъ. Съ рисункомъ памятника, предисловіемъ и статьями: *Послѣдніе дни А. С. Пушкина по разсказамъ очевидцевъ.* Ц. 60 к.

Грамматическій курсъ англійскаго языка средних учебныхъ заведеній въ его «главныхъ чертахъ». (Приспособленія для облегченія воспитанниковъ). Состав. преподаватель англійск. языка въ С.-Петербургѣ В. В. Брей. Ц. 15 коп.

Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Чтеніе для народа Вл. Сорокина. Съ изображеніемъ памятника Ломоносова и его портретомъ. Ц. 10 коп.

Объ изверженіяхъ огнедышащихъ горъ и землетряс. Общедоступное чтеніе. Ц. 10 к.

Патріархъ Никонъ. Историческій романъ М. Филиппова. Съ портретомъ Никона. Изданіе 2-е, 2 тома. Ц. 4 р.

Повѣсти изъ русской исторіи. А. Разина: Гетманъ Степанъ Остряница. Ц. 40 к.; Разоренный годъ. Ц. 40 к.; Дѣдушка Гостомыслъ. Ц. 50 к.

Практическое руководство для натуралистовъ. Естественно историчес. экскурсіи. Состав. Струговщиковъ. Съ рисунками. Ц. 1 р. 25 к.

Разсказы А. Иванова: О жизни земной Ц. 10 к.; О человѣческой жизни Ц. 10 к.; О силахъ земныхъ Ц. 10 к.; О царствѣ Бовы Королевича Ц. 10 к.; О землѣ и о небѣ. Изд. 4-е, исправлен., съ рисунк. Ц. 15 к. *Допущено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.* для ученич. библіотекъ.

Разсказы о Петрѣ Великомъ. Сост. Вл. Сорокинъ. Изданіе 2-е исправленное, съ рисунками и портретомъ Петра Великаго. Ц. 45 коп.

Книги, составленныя Священникомъ Казанскаго Собора въ С.-Петербургѣ и законоучителемъ МИХАИЛОМЪ СОКОЛОВЫМЪ:

Богослуженіе православной церкви. Руководство для учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ приложен. пособія при изученіи богослуженія: псалмовъ, пѣснопѣній и молитвъ. Съ рисунками. Изд. 3-е, исправленное. Ц. 35 к.

Священная исторія Ветхаго завѣта, для среднихъ учебныхъ заведеній. Съ 22 рисунками, *копіями съ знаменитѣйшихъ картинъ и гравюръ,* и 2 картами. Изд. 2-е, исправлен. и дополн. Ц. 30 к.

Священная исторія Новаго Завѣта, для среднихъ учебныхъ заведеній. Съ 29 рисунками, *копіями съ знаменитѣйшихъ картинъ и гравюръ,* и 2 картами. Изд. 2-е, исправлен. и дополн. Ц. 30 к.

Молитвенникъ. Главнѣйшія молитвы, символъ вѣры и заповѣди Божіи съ объясненіемъ. Съ рисунками. Изд. 3-е. Ц. 12 к.

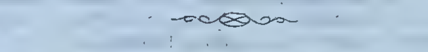
О Богослуженіи православной церкви, для начальныхъ училищъ. Съ рисунками. Изд. 2-е, дополненное. Ц. 5 к.

Первое наставленіе дѣтямъ въ ученіи православной церкви. Молитвы, символъ вѣры, заповѣди, священная исторія и богослуженіе. Учебникъ для народныхъ школъ, городскихъ училищъ и приготовительныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній по программамъ, утвержд. Св. Синодомъ для поименованныхъ заведеній. *Съ приложеніемъ* объяснительной записки по преподаванію Закона Божія и пособія къ изученію молитвъ. Съ рисунк. Изд. 5-е, исправл. Ц. 20 к.

☞ Въ третьемъ изданія допущено къ употребленію **въ духовныхъ училищахъ, церковно-приходскихъ школахъ и начальныхъ народныхъ училищахъ.**

Готовятся къ печати и въ теченіи 1889 г. будутъ выпущены въ свѣтъ:

Въ своемъ кругу.
По-бѣлу свѣту. } Сочин. А. Н. Острогорскаго.
У рабочихъ людей.
Павсанія. Описаніе Еллады. Перев. съ греч. Г. А. Янчевецкаго.

Дозв. цензурою. Спб., 1 Марта 1889 г. Тип. Тов. „Общ. Польза", Б. Подъяч., 39.

